

СКАЗАНИЕ О ЛОХНЕССЕ

Эта повесть в пяти частях - занятная и поэтическая картина: герой повести Спартак Еремеевич Воротиллов оказался Борисом Николаевичем Ельциным, а его Наина Иосифовна - супругой Леонида Ильича Брежнева, Викторией Голдберг, якобы...

Лохнесс, Марья и Ермолаич

Часть первая

В Кремле дебилы захватили вора,

А вор успел уволить прокурора...

Грош цена тебе, несравненный читатель мой, если ты не способен перескакнуть из одной эпохи в другую, от дурного лидера к гениальному, от тоталитарного счастья к демократическому... И так далее - пушистым хвостом обмахивая перила по крутой и захватывающей дух лестнице перестройки. Гикнули на тебя, обалдуя, и ты понесся, хунхуз!

Марья никогда не перечила мужу. Устанет Иван Ермолаич, закрывает в гараже "Волгу" и домой, домой - к тёплому столу, к нежной супруге, к жене Марье, чья скатерть чиста и приветлива, чьё лицо мило и благородно, чьи заботы проворны и недокучны. Иван Ермолаич доволен судьбою, а в начальники он не собирался лезть: шофёр - царь и раб, командир и солдат, а начальник - синтетическая мырма. Вызвали его наверх - сажай и вези. Отпустили - сажай и опять вези, дубину...

Марья в меру набожная. В меру начитанная. А про Лохнесе Марья накапливала фактов по строчке, из газет и книг, журналов и календарей, обильно продающихся в киосках и на лотках. Любопытствуй. Да и привидение Марья испытала, углубясь в непрерывные поиски дополнительных подлинностей, касающихся новоявленных чудовищ. С ума и на ум, с ума и на ум разгадки о них и о них. И причудилось Марье на ранней зорьке утренней:

- Начальник-то мужа твоего Спартак Еремеевич Воротиллов блудит, Марья, али не блудит, доложи Лохнесе подробно и без предвзятостей!..

- А ты кто? - оторопела Марья.

- Я?.. Лохнесе, я слежу за поведением крупных чиновников и, ежели они обижают жён и прелюбодействуют, я их, по решению и рекомендации тайного подводного комитета, кастрирую и должности лишаю!..

- А ты врач? - удивилась Марья и спряталась под одеяло.

- Я врач и психолог, я зорко наблюдаю, как люди, пережав самих себя, требуют от близких и знакомых того же, сея смуту, злобу, несчастье и страх. Обязательно кастрирую Еремеевича, обязательно!..

Марья перетрусилась, даже и мужу не обмолвилась о Лохнесе, но трусь не трусь, молчи

не молчи, а секрета бесконечного нет.

Плохи русские дела,

В города и веси

Из Нью-Йорка заплыла

Нас пугать Лохнесе.

Иван Ермолаевич, седой и крепкий, в этом году решил отпраздновать День Победы на воле, на свободе, отдохнуть от "Волги" и от ее Спартака Еремеевича. Май был необычно светел и жарок. Кругом в саду зеленела трава, молодая и быстрая. Налились упругим соком яблони. Торопились расцвести вишни. Хорошо. И собака, Пушок, рядом. Медбрат: гладишь его - снимает стрессы...

По голубому легкому шлангу со свистом струилась весенняя вода, пущенная в трубы. А Иван Ермолаевич - поливать землю большой охотник. Тут - огурцы, подавай водички, тут - лук, не откажется, тут и петрушка просит. Чудо - эта самая водичка! Из чего она? В сотый раз кумекает Иван Ермолаевич, а понять не в состоянии. Вот, например, водка, все ясно - спирт. А вода? Какие-то молекулы! Молекулы, а человек и природа - на воде существуют. Акулы и киты, Лохнесе и крокодилы, но паче их Лохнесе!

Иногда Иван Ермолаевич свои философские открытия направлял на Пушка. Живет,

говорил он, и ничего. Ни гриппа у него не случается, ни радикулита. А подерется - мигом забудет и успокоится, не то, что мы - люди. Зачнем плевать - годы не управимся. А закончим - о новой войне печемся, как бы не проиграть ее, как бы не попасться врагам на "удочку", не оказаться в дураках. И пошло: и те и мы штампуют ракеты и опять ракеты. По радио - ракеты. В газетах - ракеты. По телевидению - ракеты. А ракета - кукла мертвая, ракете вода не нужна... Неужели, разводил руками Иван Ермолаевич, у Рейгана нет личного участка, садика? Бросил бы нашим Горбачёвым он помыкать, без его капиталистических помыканий Горбачёв - капторгаш. Прекратил бы Рейган учить, бросил бы он болтать про ракеты, поливал бы себе редиску... Поди - огромная дача. Плантация. Заклинило мужика на ракетах.

Иван Ермолаевич прислушался, опустил на траву голубой шланг. Из помятого и ржавого репродуктора, что болтался на покосившемся столбе за изгородью, булькало и выпадало:

Па-а-любви меня,

Слышишь, па-а-любви,

Па-а-любви!

Певица прокурено хрипела и категорически требовала полюбить ее... И находятся добровольцы - любят?!..

Да, озадачился Иван Ермолаевич, полюби такую! И жизнь твоя, и здоровье твое пропадет за неделю. Полюби ее... И он попытался представить артистку, нарисовать

для себя воображением, но передернулся, поморщился и заорал на Пушка: - Пшел прочь!

Пушок, ошарашенный внезапным гневом хозяина, отскочил и громко, с какой-то даже обидной завистливостью принялся лаять на репродуктор. Обнаружив, и, по-своему поняв "дуэль" собаки и артистки, Иван Ермолаевич расхохотался и накрыл столик.

Веранда, где он организовал столик, свежела соломенной фанерой, сияла одним маленьким окошечком, наполненным майским солнцем. Мир в маленьком домике. Мир на маленькой веранде. Мир в душе у Ивана Ермолаевича. Он вывалил из тарелки утреннюю кашу в алюминиевую чашку Пушку. Налил чарку, синеватую, тонкого стекла рюмку, помедлил и произнес:

- За Москву-матушку ! Не сдали мы ее! - потыкал вилкой в жареную картошку, пожевал, покачал головой, наполнил рюмку и вновь произнес, разглядывая стены веранды, заклеенные плакатами войны, с которых рвутся в атаку солдаты и матросы, произнёс:

- За Победу!

В репродукторе завопились, запыхтели. Кто-то сердито крякнул, и строго полилась пронзительная, далекая солдатская мелодия, и зарыдали слова:

Гаснет в тесной печурке огонь.

На поленьях смола, как слеза.

И поет мне в землянке гармонь

Про улыбку твою и глаза.

Влажные искорки засверкали на рыжих ресницах Ивана Ермолаевича. Рябоватое лицо его чуть запунцевело. Маленькие уши зашевелились. Он дернул пятерней седые короткие волосы и смущенно заулыбался: - Черт! - Ивану Ермолаевичу, неизвестно почему, снова представилась артистка. Толстая, широколицая, она хлопала огромными, алюминиевыми, как чашка Пушки, зенками и вертела перед носом Ивана Ермолаевича ладонями. Толстые и мокрые пальцы ее сплошь унизаны золотыми перстнями и кольцами. Перехваченные между суставами, они лоснились наподобие качественных сарделек. В мочках, вспыхивали серьги. Фу, пакость, возмутился Иван Ермолаевич, вот если бы в войну такие продавщицы пели нам такие песни? Немцы бы до Кушки дошли...

Пушок долизал кашу и в открытую дверь преданно уставился на хозяина. Благодарный и сытый кобелек расслабился, блаженствовал, и мягкая, длинная шерсть на нем, как спелый ковыль, кустилась и распускалась. А Лохнесе? Стеклянная рыба чешуя...

- За убитых! - и синеватая стеклянная рюмка взлетела над столиком. Тост "За убитых", обычно третий тост Ивана Ермолаевича, ответственный и последний. Последний потому, что Иван Ермолаевич больше трех рюмок не пил, не терпел охотников умножать тосты, убежденно считая пьяниц наиболее опасными, чем даже уголовники. Пьяница, заключал он, только ныне - пьяница, а завтра - прогульщик, послезавтра - вор, а дальше - уголовник. Похмельные сюсюканья или крики, пусть даже восторженно-безвредные, приводили его в бешенство: не мог он выносить ненормальности в человеке, хмеля. Хмель, горюнился он, в кровь от родителей к детям идет! Кто же, значит, данные родители? Аморалы... Водочные, значит, кастраты.

А ответственным тост был потому, что Иван Ермолаевич числил в убитых не только тех, лежащих в братских могилах по дороженьке - от Москвы до Берлина, а и тех, умерших через годы и годы, по разным селам и городам, от ран. А так как погибли в большинстве молодые, - Иван Ермолаевич кладет еще на каждого из них по три детенка. По три, конечно, по три! Ведь те-то ребята не так цивилизованны, как сегодняшние - родят одного, баста! У тех-то по три было бы! Япония, великая русская Япония - под землю,

закручинился Иван Ермолаевич. Даже - побольше, чем Япония... Россия в себя ужимается и ужимается...

На пенсию собирается. Без работы, уверен он, не отупеет и не заболит. Да и возраста ему не много, пятьдесят восемь.

Жена Марья, добрая. Садик. Пушок. Шланг, голубой, нидерландский. Из модного материала "аля пупс", растолковала ему Линга Ильинична, супруга торгпреда. За сорок девять рублей продала она Ивану Ермолаевичу голубой шланг "аля пупс", около сорока девяти метров длиною. Правда, Иван Ермолаевич через пять лет увидел в хозяйственном магазине города Задорного шланг, удав и удав, извивается и заковыристо петлит, как в тропиках, и тоже около сорока девяти метров длиною. Материал ну точь-в-точь "аля пупс", но зеленый, и худенькая, пока начинающая, продавщица прыснула:

- Хи, "аля пупс", да никакой вам не "аля пупс", а делают зеленые шланги за пивным баром. Цех есть, алкаши вкалывают и перевоспитываются налегке. Вроде приюта для них, а зеленые шланги - успокоение, и стоят девять рублей метр.

Иван Ермолаевич вспомнил репродукторную певичку, толстую певицу с перстнями и кольцами на пальцах и серьгами в мочках, вспомнил хитрую Лингу Ильиничну, у которой на даче пять японских магнитофонов и три мозамбикских мясорубки, вспомнил родного Пушка и процедил:

- Сам я "аля пупс"!..

Хоть путь от Сталина до Ельцина прошёл,

Но счастья Ермолаич не нашёл.

В гараже Ивана Ермолаевича никто по имени не называл, а величали просто Ермолаичем. И доходчивей, и кратче. А работал Иван Ермолаевич - маятник маятником. Потомственный шофер, он ценил профессию молча. Почти ни с кем не балясничал о ней, но в бригаде знали: нет лучше специалиста. Слухом пианиста, композитора определял он "заболевание" мотора, "заедание" шестеренки, изношенность контакта или свечи.

Город Задорный, где проживал Иван Ермолаевич, справедливо получил себе заносчивое имя. Делались тут разные разности. Воротилов, например, строил изящные финские домики. Раскладные избушки. Мог завернуть его трест и ого-го какую махину, с резными железными оградами усадьбу, с теннисными площадками, с баньками, милее скворечников, с качелюшками нескрипучими, с водоколонками, мостиками и каналами. Действовали в Задорном и фабрики. Обувная. Тачала керзовые сапожки под настоящий хром, не различишь. И вид у сапог, и цена - настоящие... Булочную закрыли на ремонт. Двое пьяниц разодрались у ее дверей, и один, помоложе, рассек череп старшему батоном. Пьяницы, как у них закрыли булочную, переселились в разрушенную церковь, напротив. Но и в церкви драки - не диковинка. Иной раз и удаль оттуда доносится до центральной площади города Задорного. Вот недавно завернули слесари-водопроводчики, с полочки, стукнулись гранеными стаканами за святыми полуразбитыми стенами у ослепшего и ободранного иконостаса и затагнули:

Из-за острова на стрежень,

На простор речной волны,

Эх, выплывают расписные

Стеньки Разина челны.

Пели честно, никто не халтурил. Весь город слышал. Иван Ермолаевич как раз привозил в горком на совещание Спартака Еремеевича. Все шоферы на горкомовской площади слушали. Даже сам Спартак Еремеевич чуток прихватил. Буркнул: - Подожди, не включай... Как поют, сволочи! Евнухи и евнухи тенористые!..

Певцов милиция не берет. Берет драчунов. Особенно - когда пиво. Да и срамят церковь. Куда пойдешь? Под забор? Кругом - строительство. Одну и ту же дорогу ежемесячно асфальтом заливают. Толпятся люди. Вот и опорожняются "по нужде" в церкви. Где пьют, там и льют. Красные дьяволята!.. Социалистические мочегоны...

Спасибо случаю, садик у Ивана Ермолаевича далеко. А дача Спартака Еремеевича еще дальше. Иначе с ума сойти нетрудно. Если бы в сонные годы застоя, когда батон стоил восемнадцать копеек, а литр молока стоил двадцать копеек, и мы, не довольные доглядатайствами парторгов, нехотя брели из гаражей и цехов на праздничные демонстрации, Ивану Ермолаевичу показали бы Медлен Олбрайт в экран, читающую стихи, патлатую древнеиудейскую курву, спасённую от гитлеровцев и выращенную сербами, а теперь бомбящую сербов, теперь - читающую между взрывами томагавков и гремящими волнами пожаров, разве поверил бы Ермолаич в то, что Олбрайт - человек, женщина, старуха? Нет, не поверил бы!.. Такие мокрицы в те времена не выползали на экраны, а выползали рейганы, но их наши ракетчики и генералы быстро усмиряли, пока Горбачёв и Ельцин не взяли Кремль...

А чем же забавляет убитых бомбами сербских детишек и покалеченных сербских мам, мечущихся среди минных осколков и погибающих от удушливых газов, напалма и химических реакций, чем? Олбрайт, патлатая пума, читает им, размножённым, стихи Сергея Есенина:

В багровом зареве закат шипуч и пенен,

Березки белые горят в своих венцах.

Приветствует мой стих молодых царевен

И кротость юную в их ласковых сердцах.

Читает - на сербском, умеет!.. Молитву читать - Бог парализует, за есенинскую молитву Бог, авось, простит?.. Это не цинизм американской правительственной крысы. Это - суть иудейская: предать самое святое, самое близкое, самое дорогое у людей, надеющихся на Бога.

Фашистка Олбрайт. Кровавая развратница правил и законов на земле, в доме, в семье, в своей и в чужой стране. А где её страна?..

Есенин - пророк: он ещё в первой четверти двадцатого века о ней, об Олбрайт, гневно высказался:

Что ты смотришь синими брызгами

Или в морду хошь?

Эх, Ермолаич, Ермолаич, давно предали нас горбачёвы и ельцины!..

Евреям и с евреями надо быть осторожными, как нам, русским, с русскими: не все евреи не сострадают России и не все русские страдают за неё. Писатель Тополь, еврей, предупреждает олигарха и банкира Березовского, дабы тот не очень увлекался разорением русского народа и командирскими мостиками в России - взял и снял Примакова, а где свежего приличного еврея взять? Русские евреи, разобидевшись на богачей, обобравших их и нас, записались в очередь и уехали в Израиль социализм и равенство строить. Их кибуцы не чета нашим колхозам.

Выпьют они там - казачьи песни и пляски затевают, а у нас что, сам чёрт не поймёт, какие мелодии гундявят и пародируют на стадионах и площадях, Крым подарили украинцам. А почему не нашим русским евреям? Тепло. Они бы из Израиля и нагрянули в Крым. Так нет, бери, хохлы, а вы, русские евреи, ждите и облизывайтесь!.. Хорошо ли мы по линии дружбы и возрождения России движемся? Выберут русские евреи в президенты Израиля русского израильского еврея - и Россия с удовольствием обизраильтятся. Арабы могли бы помудрее себя вести: хватит воевать за земли исконные, мы вон сколько по ветру пустили - в Москве от наплыва иноверцев подташнивает. Кабала взрывная.

Ежели Израиль вознесет над русским народом и над Россией свою могучую ладонь, никто нас не утешит и не обманет. Некому... А разные биллы клинтоны и мадлены олбрайты заткнутся в норах мышиных и шуршать перестанут. Зачем Ельцину галдеть: "Мы, россияне, мы патриоты великой страны, России, огромной и сильной!.." Зачем? Неужели Израиль менее достоин представлять нас, защищать нас, учить нас и отвечать за нас перед нами, перед Россией и перед мировым сообществом ныне? Израильтяне исполняют наши русские песни и пляски, а мы с вами глупо медлим и кочевряжемся: петь и плясать нам на идише пора!..

Мы же заартачились и чужие песни не поём, чужие пляски не демонстрируем, а свои

давно позабыли, расисты курские, фашисты рязанские ещё и еврейского философа
Тополя тужимся опровергнуть. Карлики.

Мы начали тянуть на Маркса, этакую глыбу,

А он, бедняжечка, до самой смерти рыбу,

Одну лишь рыбу ел,

Ну, слышал я, и с мойвы офуел.

Отгрохал "Капитал" и снял с России пробу,

Империи кранты, но и знобит Европу,

Хотя котлеты жрёт и с черепахой суп,

А вот с тех пор - не попадает зуб на зуб,

Да и Америка в межрасовых ухабах,

Аж даже Клинтон погорел на бабах,

Неужто сэра мучили полюции,

Как жертву нашей гордой революции?

И лишь подпрыгивают радостно китайцы,

Поймав себя за собственные яйсы.

Маркс верный друг простых людей труда,

Жаль, очень дорогая борода:

Ведь сколько надо сил, чтобы такую лонить,

Не менее ведра уйдёт - одеколонить,

И шляпу полную знакомых, не знакомых

Собрать в неё возможно насекомых.

Итог:

Под ней ЦК КПСС, предав Отчизну, пал,

А свет идей победоносных не пропал,

Недаром возле памятника раздаётся вой, -

То бьются ленинцы о мрамор головой.

Прорабов реорганизации СССР дал народам страны ЦК КПСС, он и Главного Архитектора Перестройки подарил нам, скрепя сердце, потому что Михаил Сергеевич Горбачёв нужен был и мировому пролетариату, не меньше, чем нужен был нам, его законопослушным соотечественникам, по-цыплячьи раскрывающим клювы на шведскую сосиску...

Марья, жена Ивана Ермолаевича, не была шибко грамотною женщиною, но и необразованною бабою тоже не была. Она еще девчонкою веснушчатой слышала про колоссальную катастрофу в Кремле русском. Будто в нем обитала Лохнессе, справедливое и грозное существо, неусыпно подбадривающее и караулящее честность в стране и в народах России, да вторглось в русский Кремль ее как бы двойниковое отражение, ненавидящее Лохнессе и заботу о нас. Кто-то произвел подлог. Выпустил на добрую Лохнессе эту ящерицу, якобы - колдующую тетку члена Политбюро Александра Николаевича Яковлева: страх и смерть!

Драка произошла между ними - с куполов золотых падали кресты мимо Мавзолея, а часовые, стерегущие Владимира Ильича Ленина, вздрагивали и хватались за револьверы. Но в зале, где заседают после демонстрации вожди, царила паника и замешательство. Чекисты только не растерялись: крутили магнитофонную запись данного сражения и ждали, олухи, указаний. А указаний так и не получили. Скрежет и вихрь свалили несколько серебристых елей у зубчатой стены, но никто, ни один член Политбюро, не приструнил вторгнувшуюся палачеху, зверину под маскою

благотворительницы, и никто, ни один член Политбюро не осмелился сообщить о трагическом перевороте в Кремле народам России, СССР и всего трудящегося пролетариата. Контрреволюция возобладала.

Подменили всех, всех, всех!.. И центрального бровастого подменили, и вокруг центрального бровастого всех, всех подменили: носят на демонстрациях портреты, в Кремль ездят начальники из областей и районов. А величайшие аферы, подмены, значит, никто, ни один дурачок, не замечает, хоть и по народам бежит издавна молва.

Марья с Иваном Ермолаевичем на политическую тему не беседует: на кухне печет - молчит про бой между Лохнессями, картошку чистит - молчит. Ермолаич - бывший солдат, фронтовик: вспылит - наделает погрому и Спартаку Еремеевичу и прочим руководителям стройтреста, проворонившим в Красном Кремле нормальную ауру...

Каждый человек, хоть мужчина, хоть женщина, если раздуматься, - чуток, чуток, но ведает не только про свои собственные тайны, но и про тайны близких. Нина, супруга Спартака Еремеевича, слышала о зигзагах и помрачительных приключениях мужа. Наблюдала и помалкивала. Ну, Тоня с портретом Еремейча... Ну, Лохнесе скончалась... Ну?

А Лохнесе, в самом деле, устало, борясь и сражаясь на фронтах человеческого бытия, устало и ночью задремало под мостом в омуте. Спит Лохнесе, но слышит боевой бас мужика, севшего на перило моста и взбрыкивающего по-бараньи ногами, сгибая и разгибая их в коленях:

Бр-р-оня крепка и танки наши быстры,

И люди наши мужества полны,

В строю стоят советские танкисты,

Своей великой Родины сыны!..

- Свалишься! - насторожило акробата утончённое чудовище.

- А тебе, курве, какое страдание из-за меня, выпившего, а? - И правая нога акробата снова подвзбрыкнула, но левая, левая не успела, и он, косматый и распахнутый до брюк, закувыркался, заорал, заматерился, громко и неповторимо, и плюхнулся в середину омута.

Высовываясь и ныряя в темную жижу, чихая и отплевываясь на сторону, акробат растерялся:

- Тону!.. Товарищи, я тону!..

- Черт с тобою, тони, алкоголик недотыканный! - шевельнула хвостом Лохнессе и сладко завалилась на другой бок. Пусть тонет червяк. А червяк, уловив живое шевеление, подгрёб к носу Лохнессе, не поняв, с хмеля, кто перед ним, поднатужился и всю мешочную глубиною брезентовых легких не дыхнул, а дыханул чудовищу в пасть. Замер и, держась поплавком, выжидает. Вдруг Лохнессе взлетела над грязным омутом, ударило ластой о ласту и, взвизгнув, кануло на дно.

Позже Нине, супруге Спартака Еремеевича, сообщили: при вскрытии тела Лохнессе - у чудовища обнаружили инфаркт и алкогольное отравление: не сдержался Борис Николаевич Ельцин - лишку дыхнул!..

У Линги Ильиничны пальцы всё-таки менее сардельковые, чем у продавщиц и у певицы, иногда высовывающейся из радиорупора на телевизорный экран, хотя они, продавщица и супруга торгпреда да и певица, - купленные барыжничеством и обсчётами населения стервы, выпьют и затевают, надоевшую, кто - по радио, кто - за столом:

Слышишь, па-а-люби,

Па-а-люби!

Искусствоведы - кругом подмена!.. И в Мавзолее - подмена!.. Лежащий в хрустальном саркофаге - гений, страдалец за русский народ и за трудящийся пролетариат земного шара, живший до саркофага, - Ленин, выселяющий людей, арестовывавший, расстреливавший, даже Царя кокнувший с царёнком, царицей и царевнами, лежит, разломивший империю и её территорию, слитную, необъятную и русскую. Чингисхан.

Русскую Лохнессе подменили. Из Кремля Лжелохнессе изгнала её. И подмена восторжествовала. Сталин клялся служить народу - не уцелел на клятве. Хрущев - скукурузился и заматюгался. Брежнев - из-за сардельковых бровей реальную жизнь на бронированной "Чайке" пробибикал. Андропов поклялся, но поздно - здоровье покинуло его ещё до клятвы. А Черненко и клятву путём не произнёс - хрипнул и помер.

Горбачёв клялся-то клялся верностью к СССР, но тайно продолжал шпионить и передал взрывное устройство Ельцину: тот - покончил с СССР и доканывает Россию. По народу частушка о нём плутает:

Бабка Нюра на стерне

Ельцина прибила

И теперь в моей стране

Скучно - без дебила!..

Многие убеждены: Ельцин - третье Лохнессе, но не как первое, защищающее русский народ, а как второе, подложное и жестокое, и сосущее коньяк и водку, как Лжелохнессе - мыльную банную муть. Он и Лжелохнессе - опасные млекопитающие: не выбились в животные!..

А на ярославской земле родился бесенок с четырёхугольной головой, подхрамывал, завидя взрослых, высывал, прищелкивая о небо, язык и дразнился: приставлял пальчики к ушам, изображал чёртика, и убегал по лесной тропинке, пропадая в капустных грядках. То был - грядущий член Политбюро ЦК КПСС Яковлев Александр Николаевич, лютый прораб и торговец землёю русской, крестами и обелисками русскими.

Ярославцы стыдятся его имени, не признаются, что он родился на их ратоборной земле: утверждают - по его поганому следу проползли крысиные табуны и в труху перетерли ребяческие ступни изменника, отраженные на траве, около цветов, на золе, около костра, и в доме.

Все говорят: "А Яковлев шпион"..

Хотя политбюровец штатный он,

Философ, академик, вобщем, все советские регалии

Висят на нём, как на чечене патронташ, до талии,

А совести нема, теперь сей Телепредседатель

Лыс, колченог, почти забыт, предатель,

Лишь кто-нибудь, от удивленья пылок,

При встрече поплюет учёному в затылок.

И вы представьте, скользкая мокрица

Способна даже этим возгордиться:

Мне, дескать, начихать на злобные подробности,

А я один такой из Ярославской области!..

Но ярославцы спорят: "Нет, второй,

Был Губельман * ещё, расстреливать герой,

Соборы разрушать мастак большой,

Его мы, как тебя, прозвали нежно - вшой!"

Итог:

Да, насекомое, да, приползло из клана,.

И пострашней хромого Тамерлана.

Никогда не покажут тебе ярославцы деревню ордынца, гнездо его.

Был бы Пушок человеком, сколько бы он тайн мог выдать обществу, осевшему в нафуфыренных виллах, коттеджах и особняках, осевшему, но жарящему, по вечерам и по ночам, лунным к туманным, шашлыки, разливающему шампанское и коньяк, вина, и водку? Но тайны холёного бита нужны холёному обществу, а не Ивану Ермолаевичу, работающему хозяину Пушка, и не соседям шофера...

Пушок - бегавшая шерстистая энциклопедия! Пушок и о Спартаке Еремеевиче знает приключений гораздо больше, чем водитель Воротилова, Иван Ермолаевич, но Пушок натурою в хозяина: молчит и молчит, как молчит на народе Иван Ермолаевич и верная супруга его, оба молчат, а Спартак Еремеевич молодится и развлекается.

Ночь. Июль. Роса. Луга веют солнцем, скатившемся за горизонт, а в небе дремотно шевелятся жужжащие, греющие душу, звезды. Поэзия. Спартак Еремеевич, покачиваясь и блаженно покивая, хмельной, держит Тоню, секретаршу белесую, за голую титечку и целует, поворачивая, то титечку, то самоё Тоню, целует и вкусно порывивает, а Тоня изгибается и музыкальной ладошкой отстраняет, отстраняет тигра, а тот звериной мордою утопает в завезённой женщине...

Никого. Они и Пушок, случайно заскочивший на усадьбу шефа. Ладошка Тони - хрупкая и длинная. А у Спартака Еремеевича не ладонь, а чёрный черпак: лелеет, поглаживает, похлопывает, покручивает он уютные титечки секретарши, как вынутую из начальственного портфеля согревшуюся бутылку, врачует, попестывает её, а распечатать не хочет, недавно, значит, пил - приелось!..

А секретарша кудерьками ерахорит, животишко обнажённое втягивает и на него, на него, на Спартака Еремеевича Воротилова, норовит застрячь: на шее, на плечах, на груди, на брюхе его, вздутом шашлыками и алкоголем, да и за пупок Спартака Еремеевича Тоня зацепиться гожа ещё. А Еремеевичев бульдог в отсуствиях...

Ермолаич воевал с немцами, а Спартак Еремеевич нет. Ермолаич старше и осмотрительнее, а уж сегодня - подслепый и глухой: столько времени пророкотало?! Ермолаич путает Еремеевича с Ельциным. А Ельцин пьёт с канцлером ФРГ Колем на Байкале водку, оба стучают стаканами, как заправские алкаши в разрушенном храме города Задорного...

Па-а-люби меня,

Слышишь, па-а-люби,

Па-а-люби!

Время, время, ты сконтачило певицу и президента, да ещё где!..

А орден маршальский для Пугачёвой Аллы

Откуда-то принёс кремлёвский блудослов,

Та с радости могла б перекричать хоть сто ослов,

Но этого старухе показалось мало.

Открыла форточку - и снова зал трясти,

Не оторвёт Киркоров сам её от косяка,

На скорой помощи решили в ЦКБ шалаву отвезти

И спрятать в карантин от молодого босяка:

Пусть без супруги белые кальсоны он потрёт,

А та звенит наградю в палате и орёт.

А та вдруг морду высунет сейчас из мглы -

В Азербайджане сдохнут и последние ослы!..

Но, к счастью, суперзвезда в плену икот

Забыла про правительственный скот.

Итог:

Когда же наш Гарант спустил указ в толпу,

Даян * перевернулся в цинковом гробу.

Будь терпеливее и проницательнее, читатель мой необыкновенный, и ты поймёшь: время лица меняет у ворюг и у руководителей, меняет лица у актёров и генералов, но время не в силах изменить в них душу и совесть, если их душа и совесть не тоскуют о правде и Боге!..

Пушок - собака, понятливая и натренированная: к Пушку тоже навевается дачная сучка, в пегих крапинах, точках, смазливая ведьма, Пушку и удержаться невозможно. Когда садик пуст, он подскакивает и подскакивает, а барышня его, дачная сучка, улавливает момент и угождает Пушку. Контактуются.

Зовут ее Капа. Пушок к застрял однажды на ней, как застряла на Спартаке Еремеевиче Тоня, но Иван Ермолаевич специально не заметил Пушка и Капу, застрявших в аварийном положении за сараем садика: Иван Ермолаевич - настоящий пролетарий и не болтун.

И Пушок не слышит, как порывается Спартак Еремеевич и как постанывает в так руководителю секретарша Тоня, допрашивая:

- Любишь меня?..

- Мым-да-а! - рычит начальник.

- А жена где? - беспокоится секретарша.

- В больницу охлопотал, подлечиться.

- Ай, бандит! - учащает дыхание Тоня...

На середине усадьбы - фонтанчик, омуток серебристый, обрамлённый красным гранитом,- прелесть. Около фонтанчика - политическая фигурка: галстук - и рука вверх выброшена, то ли спортсмен, то ли вождь. Когда-то усадьба принадлежала какому-то члену ЦК или члену Политбюро, и мраморный вождёк - неотъемлемая деталь высокоидейного климата Подмосковья... Строгость - опора державы.

Разнагишавшись перед подъёмом на балкон, Тоня, бухая, повесила алый лифчик, подарочек Спартака Еремеевича, на холодную бошку прифонтанного памятничка - чепчик и чепчик, а Спартак Еремеевич, не менее бухой, перекинул через плечо мраморного вожака синие китайские трусы, безразмерные - накидка буревестника революции...

Пушок поглядел на Тоню, на Спартака Еремеевича, на фонтан, на мраморную фигурку, под лифчиком и трусами, и протяжно завыл..

Лохнесе, Наина и Еремеевич

Часть вторая

Что Моника в Европе натворила:

Один мосты бомбит, другой с них падает, дурило.

Нищая и святая Россия, куда ты, куда ты стремилась, шагала, ехала, катилась, летела? Республики СССР отшатнулись от тебя, их заставили предать тебя, работающую и заботливую, политбюровские холуи и зверуны, вчерашние утверждатели марксизма и ленинизма, трубадуры социалистического нерасторжимого бракосочетания и революционной неудержимой ассимиляции племен и народов, говорю и наречий...

Где они, проповедники неукоснительной праведности партпрограмм? Теперь они - вожди суверенных стран, государств, держав, регионов, округов, околотков, переулков и мокрых нор, в которых они прячут уворованных девушек, недобитых солдат, изохульствованных мальчишек.

Пустыни Средней Азии - изрубцованы траками танков. Горы Кавказа-искромсаны осколками снарядов. А в пустые мышинные хибарки и халупки, в беззаконные избы русские, во двory, разгороженные и полынью заросшие, бегут изнужденные, рябые от страха и старости, давешние комсомольские посланцы, инженеры и каменщики, бульдозеристы и плотники СССР, несколько лет назад певшие:

Едут новосёлы

По земле целинной!..

Куда они, синеглазые и доверчивые парни и девушки, куда они уехали и к чему они приехали: к сгнившим сараям, к заброшенным огородам, гонимые боевиками, обобранные жуликами, преданные цековскими иудами, затыкавшими русский рот жидовским интернационализмом. Иван Ермолаевич и его Марья до тошноты налюбовались обрюзгшими мордами хрущевых и брежневых, а к итогу жизни - лохнессовою мордою Спартака Еремеевича или же Бориса Николаевича, не менее лохнессовою харею, утробно пропившую и проевшую Россию!..

Аристотель, аристократический кобель, нравственно выше их, вожак широких народных масс!.. А Пушок - излишне сомневаться: честный пес, сравнить ли его с Еремеевичем или же с Николаичем?.. Даже суки, сучки, Капа, Моника и Тоня, порядочнее и надежнее лидеров!..

Иван Ермолаевич по кровавым трассам доехал до Берлина за баранкой и после войны тридцать седьмой год едет за баранкой. Пусть не боевая "полуторка", а "Волга", но за баранкой.

Ведь не обязательно же служить командиром, начальником, руководителем. Нужно профессию ценить и знать - рассуждал Иван Ермолаевич. Вот вожу я директора Стройтреста Воротилова Спартака Еремеевича. Дядя - сто двадцать и еще один килограмм. В министерстве навалился на перила, курил у винтовой лестницы, рухнули стойки вместе с решетками. Ладно, произошло на втором этаже, и падать-то некуда. Ох бы и грохнулся! В "Волгу" погрузится - еле ползет "Волга". А так - неплохой человек. Получает паек. Курит. Ругается. На заседаниях Иван Ермолаевич слышит из приемной - Спартак Еремеевич бубнит один, выдвигает задачи один, решает их тут же один и распускает совещание один.

Имел бы он садик - добрее бы стал. А то - тоже дача. Огромная, скушная и государственная. Жена тощая. Нина. Не трудится. Водит на поводке кругломордого бульдога, самоуверенного и ленивого. Пушок ему сто очков даст, Аристотелю!..

Воротилов Спартак Еремеевич не балует личного шофера, хоть и отчествами они близки. Но уж, не думай, никто не спутает Еремеевича с Ермолаевичем. Правда, иные и перед шофером директора лебезят, заискивают, виляют. Но попадают и гордые. Даже не кивнут навстречу. Апостолы независимые.

Мужик, Спартак Еремеевич, сносный. К женщинам не пристаёт, то ли честный, то ли жены боится, то ли очень тяжелый. Не пристаёт. Окромя Тони... Подчиненных зря не наказывает, но держит в кулаке. Порядок везде. Жаль - спорить здоров. Из-за Ленина, из-за Сталина, из-за Хрущёва, из-за Брежнева, из-за пустяка лезет на скандал.

И речи обожает запузыривать. Иван Ермолаевич посоветовал ему прекратить возить молодоженов Задорного "венчаться" к облезлому глиняному медведю на развилке шоссе Задорный - Алозерск, а еще по выходным дням заставлял его, Ивана Ермолаевича, катать женихов и невест то спереди, то сзади этого поганого медведя. Спартак Еремеевич булжно разнервничался. Привез две свадьбы. Двинул речь на сорок минут. Сфотографировался с народом возле шелудивого медведя. С молодыми семьями. И уехал. А паршивый медведь, глухонемой идиот, как стоял, так и стоит. Какой от него толк? Ни красоты, ни ласки нету. Жалко будущих ребятишек-то! Без музыки и обычаев появляются... Глухонемые созидатели равенства?

У Ивана Ермолаевича детей нет. Нет и у Спартака Еремеевича. Есть, и опровергает Иван Ермолаевич, - нет.

Вырастили Асю, красавицу, в институт определили. Осмотрелась, получила диплом врача, вышла за кубинца и живет теперь под Гаваной. Не ездит домой. Занята ужасно. За Асей вырастили Ксюшу, красавица, еще лучше Аси, в институт определили. Педагогом хотела стать. Диплом в зубы - и в Индию махнула. Родила троих, но уже - индийцы. Начал было возражать, куда те: все люди едины. Все братья. Братья-то братья, но зачем ехать так далеко?.. Калмыки и нанайцы рядом.

Жена веселая, а больная. Купили садик. Тружусь. Иван Ермолаевич подумал о сыне Спартака Еремеевича, Ванюше. Вздохнул. Далек он сейчас. В Копенгагене. Доктор-экономист. Книгу-трактат написал о Лохнесе, чудовище водяном. Ученый. Разволновался Иван Ермолаевич. Будь я министром, я наделял бы горожан цыплятами, кроликами, индюшатами, наделял бы заводских людей со дня рождения землей. На тебе кусок родной землицы. Расти. Мужай. Наследуй на общее наше устремление. Не бегай. Не заглядывай в чужие квартиры и чужие магазины. Хе, хе. Не ищи зверей в чужих водоемах. Работал, работал, на садик денег приберег Иван Ермолаевич, а окромя Пушка никого нет на земле?.. Марья - не в счёт. Марья в нём аukat и цветёт.

А вот, отклонился Иван Ермолаевич, - Линга Ильинична, она ведь тоже как бы за иностранцем замужем, хотя к за русского вышла. Без конца - за граница. Дома не бывает. Тоже что продавщицы-певицы, только умная. У той ворованные кольца, серьги, перстни, а у этой - честно приобретенные мясорубки, шубы, магнитофоны. Запуталась в барахле кукла ватная.

Иван Ермолаевич посмотрел на часы. Без пятнадцати шесть. Скоро закончится рабочий день. Выйдет Спартак Еремеевич на крыльцо конторы и махнет рукой:- На дачу!..

Он вылез из кабины вороной "Волги". Взял тряпку. Протер стекла, фары, номера машины. Дуданул, и, радостный, опять сел за баранку. Машина - скрипка. Точёная, крылатая. Птица, а не машина. Как начальникам не реять?

А вот и хозяин. Большой. Посапывающий. Ядреный. Пахнувший сигаретами и дозированной-административным коньяком. Располагается поудобнее.

- Ваня, где и с кем отмечал ты девятое мая?

- В саду, один.

- Как один?

- Жена болеет. Друзей почти не осталось. Один. Мы ведь в нашем возрасте потихоньку в противоположную сторону движемся.

- Ну, ну, - кивнул Спартак Еремеевич Воротилов, - а на даче никого?

- Песик. Пушком зовут. Песик.

- И у тебя песик? - огорчился Спартак Еремеевич. - Разные мы с тобой, а бобыли оба. Где наши дети? Мой, не могу разобраться, чем там занимается. Лохнессе... Отвык от родной земли. А твои?

- Мои еще хуже!

- Кто же их учит равнодушию?

- Не равнодушию! Человечности, значит, уважительности и так далее...

Замолчали.

Машина катилась бесшумно по теплому асфальту. Солнце сияло высоко и щедро. День все еще не собирался уходить, а разрастался и ширился. До вечера далеко. Дорога ровная, широкая, зовущая радостью и обновлением холмов и перелесков. Спартак Еремеевич Воротиллов как бы державно задремал позади, за спиной Ивана Ермолаевича. Ушел в своё, грустное и неподвижное. Иван Ермолаевич поднадавил "газку", и "Волга" понеслась, оставляя за собой взгорки, качающиеся на малом ветерке березки, к пламенеющим синим долинам, вперед, к сизовато-белым вздымающимся, как снега, облакам. С детства Иван Ермолаевич наделен странным чувством - читать родимый край, понимать его и слышать. Особенно, когда навстречу развернутся древние русские могилы, печальные и мудрые, непостижимые в своей тайне - передавать живому живое... На крестах и обелисках Россия распята...

- Край ты мой, - воспрянул Иван Ермолаевич, - сколько я проколесил по Европе, сколько я повидал сел и городов чужих, а нигде не выбрало сердце для себя покоя, кроме как тут! Мне кажется, умершие знают меня, они даже сейчас понимают, о чем я тужу, что я зажигаю у себя в душе. А зажигаю я свет. Он сошел ко мне в сердце со звезд над тихим лугом, перелился в меня из материнских очей, овеялся нежным вздохом с молодых губ моей жены, Марии, которая так хотела детей, хотела родить трех, четырех, больше и пухлей, и для себя это, для себя!.. А не капиталистам и генералам.

Сердце его застучало. Он еще пружинистее надавил "газку". И ворона "Волга", свистя и задыхаясь, выбросила из-под крыл верстовые столбы, загудела и вытянулась. Зачем родится человек? Остаться чем-то или в ком-то? Но не просто "чем-то" или в "ком-то", а в ясном, понятно-близком и родном, как речь матери, ревность любимой, как вон та зеленая и яростная трава на бугре; погибнет, а голос её пургою шумит!..

Незаметно в память Ивана Ермолаевича вошел и задержался надолго фронтовой друг Костя Брусникин.

Высокий, стройный лейтенант. Студент-филолог. Храбрый и неукротимый, он стрелял из винтовки по вражеской цели, кидал в немцев гранаты, ходил в атаки со штыком. Среди юных парней он высмотрел и приблизил к себе именно Ивана Ермолаевича, Ваню. В короткие затишья Костя читал ему наизусть стихи Есенина, Читал, вскакивая, срывая с вихра шапку:

- Ваня, Ваня, если доживу, вернусь, буду учить детей России. России, понимаешь ты? России! Русскому, русскому! Дорогому, дорогому! Вот о чем я думаю, Ваня! Надо осознать - кто ты, тогда ничего тебе не страшно. Ты - уже бессмертен! - И ворожил, прищуриваясь до вздоха, до благоговения и слез:

Несказанное, синее, нежное,

Тих мой край после бурь, после гроз,

И души моей поле безбрежное

Дышит запахом меда и роз.

Теплее становится на снегу, в окопе. Тише. Торжественнее и уютнее. Смерть тобою зачарована...

Машина летела, а Иван Ермолаевич бормотал про себя знакомые щемящие строки, бормотал и встряхивал коротко стриженной седой головой.

- Ты о чем? Опять стихи? - взбадривался директор.

- Опять.

- Не шофером надо было родиться, а писателем.

- Писатели разные бывают. Ершистые. Налимистые. Лохнессевые. Вот погибший друг мой, Костя, о котором я тебе рассказывал, был писателем, поэтом. А твой друг, романист Эдгар Фомич Алмазов - не писатель!..

- Почему же это так сурово?

- Потому, значит, что похож он не на писателя, а на тебя Еремеевич, на типичного служаку-рубаку, барина. Видел, сколько у него разных бляшек, побрякушек и чинов? Он и ходит-то как ты. Одолжение нам, чумазым пороссятам, делает.

- А как я хожу?

- Надменно-губернаторски, ног не чуя и людей не видя.

- Партийный бай? Князь?

- Мулла... Но мулле Коран испытывает на истину в мечетях, а ты? Тридцать с лишним лет я тебя, Спартак Еремеевич, вожу. Тридцать с лишним лет тебе подают завтрак, обед и ужин, журналы. Солнце закатится. Луна догорит и опять - обед, ужин, журналы, газеты и вино. Тридцать с лишним лет ты в депутатах, в должностях, в жожаках. Что ты помнишь? Ты себя не помнишь, не только остальных. Ты ведь ничуть не сомневаешься в том, что ты - звезда, ты нужен, ты, только ты! Тебе - положено! Тебе - разрешено! Тебе - требуется! Но ты - бюрократ, совдесятник, так сказать, вшибала. А писатель мученика замещает на Руси.

- Замолчи! - заорал Спартак Еремеевич, - ты, кажется, потерял всякую меру и всякое приличие. Терпенье мое кончается!..

- Спасибо...

Автомобиль подбежал к железным воротам. Дежурный, дед, в линялом эмведешном мундире, привычно распахнул калитку. Спартак Еремеевич мстительно высморкался перед сторожевой будкой в сторону персональной "Волги" и медленно исчез за оградой. Особый русский. Горло, не моргнув, перегрызет.

Гаранта в ЦКБ свезли на "мерседесе",

Открыли дверцу - в нём сидит Лохнесе...

Пушок, виды выдавший дворняга, остался один возле крохотного домика Ивана Ермолаевича. Он хорошо освоил - через несколько дней и ночей сюда опять возвратится добрый и работающий хозяин. Будет наполнять алюминиевую чашку вкусной кашей, будет выносить ему куриные косточки и конфеты. А пока он, завершив то, что ему оставили, гонял ветер по соседним дачам. Его никто не пугал, не бил. Он давно был ничей и в то же время - общий. Но привязался Пушок больше всего к Ивану Ермолаевичу. И его домик, легкий и солнечный, Пушок считал своим и неотделимым. Пушок не завидовал породистым псам, не завидовал Пушок их закормленной судьбе, цепям их и воротам.

Неодинаковые вокруг дома. Есть, и очень много таких, как дощатый, оббитый изнутри дешевой фанерой домик Ивана Ермолаевича. Пятачок земли. Кустики. Деревца. Есть попрличней. А есть солидные. Высокая ограда. Высокое крыльцо. Высокая крыша. Красное или серебристое железо. Высокие окна. С башенками и башнями, колоннадками и колоннадами, речушками и озерами. Балкончики . Балконы. Два и даже три этажа. Над забором проволока. У ворот часовые. Подтянутые. В солдатской форме. Новенькие. Не то, что дед в линиялом эмведешном мундире. Деда Пушок видел однажды. Иван Ермолаевич ездил с Пушком на автобусе к своему директору на дачу. Возил ему какое-то снабдье. А тут никто без разрешения не зайдет. Даже Пушка, смирного, и, можно сказать, совершенно безвредного, ловят, норовят захватить и что-то сделать плохое. Полная тишина. Пустынность. Редкое нарушение спокойствия обитателей роскошных домов - гостями или жирными, пузатыми их "Зилами".

Сложно определить Пушку, где, в каком доме, роскошном или бедном, дадут сытнее поесть. Чаще в бедном ему перепадает. В богатых - свои кобели, заграничной породы, рослые, с верблюда, как у Спартака Еремеевича, бугай, аж на него самого похожий. А кличут песиком.

Иногда за оградами роскошных домов гуляет много красивых молодых женщин и

мужчин. Говорят. Хохочут. Поют. Одежда на них не то, что на Иване Ермолаевиче. Кожа. Шелка. На забавных застёжках, крючках. Пушок, хоть и собака, дворняга, но не такой глупый, чтобы не отличить, чья одежда изящней, чья еда слаще - Ивана Ермолаевича или этих, гуляющих за плотными оградами. А и сейчас в Москве картина традиционная...

Прославленные ворьими делами,

Жиды кружат в Кремле над куполами,

Шуршит помёт по кровле, по карнизу

И попадает на башку каган-Борису.

А тот кричит:" Я курса не меняю,

Хотя и сам на всю страну воняю!"..

И Думе он, как вшивого котёнка,

В премьеры предлагает нового жидёнка.

И вы представьте - шустрый этот жид,

Портки поддёрнувши, на царский трон бежит.

Гайдара мало, Коха нам и Уринзона?

Уж лучше бы короновать Немцова иль Кобзона,

Иль Женю Гангнуса * с Коротичем короновать.

Гаранта - Коржакову поручить! - свалить в кровать

по решению Совета Федерации,

Шунтации подвергнуть и кастрации,

Законом запретить к нему любую жалость,

Дабы тварюга впредь не размножалась,

А слушала бы сутки напролёт,

Как по её ушам течёт израильский помёт.

Итог:

Избрать царицами наполовину:

Хунхузы - Таньку, а жида - Наину,

Вот будет чудо-то, кого ты ни спроси,

Кикиморы такой не помнят на Руси!..

Наина Иосифовна, молва гуляет,- оренбургская казачка, израильтянка, значит. А Танька несколько автомобилей моментально освоила, подаренных ей за скромность и красоту иудейскую Борисом Абрамовичем Березовским, а он, Борис Абрамович Березовский сегодня - ум, честь, совесть нашей перестроечной эпохи!.. Старт чудовищ.

Но русская Лохнесе не сдается на милость спекулянтам, лгунам, грабителям, садистам, предателям и прорабствующим политикам. Нападает внезапно, мстит за униженных и оскорбленных русских людей, подозревая в Спартаке Еремеевиче - Бориса Николаевича Ельцина, и устрашает его, а ежели и ошибается, ничего, пусть, иначе - из Спартака Еремеевича Воротилова вызреет четвертое Лохнесе, минуя Бориса Николаевича Ельцина, вылупится и вызреет похлеще второго и третьего. Им бронтозаврам, дай лишь поблажки: колокольню Ивана Великого проглотят и хвостом не шевельнут, юродивые троглодиты!..

И набирают себе в штаты таких же: вилястые, фокусистые, а обернутся из начальников, из бубнящих ораторов, блудливые, обернутся в Капок, сучек приусадебных, или бульдогов мордастых, обернутся - беги от них из родного дома, из России, ими оккупированной и терзаемой. Фамилии у них русские, а морды собачьи!.. Не Кремль, а

зоопарк. И наша русская благородная Лохнессе вынуждена пользоваться заграницей.

Может быть, чекист Примаков госпитализирует их, вытрезвит Бориса Николаевича и вылечит тех, виляющих по Кремлю сук и бульдогов, к соитию стремящихся, да израсходованных на длинных железнодорожных трассах в Москву? Но в народе и о Примакове плутает частушка:

Полюбила Примакова,

На диване с ним легла.

Слышу - толку никакого,

Кабы знала, не дала!..

Нина, супруга Спартака Еремеевича Воротилова, уверяет нас: "Нет, Лохнессе одно, наше, доброе и честное, а остальные - пародии на ее мужа, Спартака Еремеевича, начальника стройтреста, или на Ельцина Бориса Николаевича, бывшего начальника стройтреста!".. Сократ, а не баба. И узнает она их по запаху: от Еремееича несет коньяком и водкой и от Николаича несет коньяком и водкой. От Еремееича - на матрасе, а от Николаича - через экран. И расстояние - не помеха!..

Иван Ермолаич и Марья видели: в кинотеатре "Новатор", что почти у Кремля, в зале, переполненном народом, празднично одетым и обутым, дамы - на каблучках, мужчины -

на подошвах, платья, веющие духами, а костюмы, пахнущие зажиточностью и перспективой, в зале поднялся на звездную трибуну Гайдар:

- Мы, россияне, ликвидируем коммуны с их обещаниями!.. Мы, демократы, построим компактную небольшую Россию!.. Мы, экономисты и политики, превратим России в цивилизованную страну, равную западным странам!.. Мы России авторитет на мировой арене упрочим, да, да!..

- Кто мы?.. Вы кто?.. И были вы где?.. Куда партбилеты дели?.. - требовательно прозвучал голос через наодеколоненные башки и головки.

- Я... я... я... Зачем кричать?.. Зачем кричать?.. - пискнул Гайдар. И заерзал, заерзал по трибуне, но раздался оглушительный хлопок, и Ермолаичу с Марьей показалось - с низкого лишаистого лобика Гайдара сорвало внутреннюю заглушку, вышибло паром, как вышибает самоварную крышку или вентель из батарейной трубы, долго ржавевшей на свободе, за курятником или за свинарником в нерадивом колхозе.

Зеваки в зале заволновались, А пар, посвистывая и расточаясь, валил из ушей Егора Тимуровича Гайдара, свирепо надувшегося и приготовившегося лопнуть. Но не дал умереть народ своему кумиру. Появился сантехник, подобрал за трибуною вышибленную паром с низкого гайдаровского лобика заглушку и закрутил ее на положенном уровне.

Уши Гайдара провисли, перестали трепыхать в зал горячим паром и массы избирателей грядущих заплодировали будущему президенту России!.. И как не заплодировать: он расстреливал Дом Советов!.. Поверни очи, Немцов - герой, Явлинский - герой, Лужков - герой, Черномырдин - герой, Грачёв - герой, Ельцин - герой, даже слюноязыкая Миткова - герой, на экране она - жар-птица: не уступит ни Моне, ни Тоне, ни Наине, ни Олбрайт!.. Есть женщины в русских селеньях!..

Марью и Ермолаича не облапошить. Ермолаича и Марью не оплести.

Кто говорит, мол, он шпиён, кто утверждает - выкрест,

А он в Кремле сидит среди жидов и рад,

Политбюровский высмерток, антихрист,

Он из СССР соорудил нам ад.

Себе приватизировал дворцы и виллы,

А нам в аренду, негодяй, суёт могилы.

Крым прокутил Кучме, а Каспий, понимаешь, баю,

Махан жующему эстету, Назарбаю,

Для нас из США, первейших категорий,

За золото привёз ужасный крематорий.

Тряхнёт башкой, глотнет две, три, четыре стопки

И давит, композитор, на электрокнопки:

Нос у Гаранта, мы же не ослепли,

Как в черноземе, в человечесьем пепле,

Глянь, паря харя!..

Итог:

Господи, я не обидел муху,

Ну, а ему-то дай ты оплеуху,

Чтоб он, визжа, крутя хвостом, не в шутку

Вновь под Свердловском заскочил в собачью будку!..

И названье обители - собачье. И с моста в канаву шарахнулся. И с Чечнею кровавую карусель запустил - десятки тысяч русских парней уничтожил, матерей и отцов осиротил, невест заставил скорбеть в одиночестве и непокое. Будка - хутор, деревня ли, село. Будка-харя, урыльник, русские люди так называют воровскую морду...

В русских семьях теперь - один ребенок: разве возможно палачам сохранить его? Как не затеять бойню, дабы подождать возмужания парнишки, - и взять в плен его, унижить мать и отца его, славу и дух русских унижить?! Фашисты, они-за штурвалами России.

Задумайся над баснями, мой друг,

И станет мир ещё смешней вокруг.

Пушок ухо держит востро. Не суется, не настырничает. Не хамит. Лаять тут вообще бесполезно и крайне опасно. Один его приятель, Яшка, взял, дурак, и залаял. Цыкнули, а он пуще залаял. Цыкнули еще - лаает. Вызвали какую-то дребезжалку, похожую на очень квадратный гроб с тракторным радиатором, и схватили Яшку. Машина откинула крышку, Яшка тьякнул - и уже нигде пятый год не появляется.

Говорят, видели на одном нетрезвом танцоре мохнатую шапку, сильно и родственно похожую на Яшку.. Говорят, но сам Пушок не видел. Потому - лучше молчать. Шерсть - не чешуя...

Пушок не заметил, как заскочил на парадное крыльцо огромного дома, отделанного красным гранитом или же мрамором снизу. Навстречу ему выбежал ребенок. Бежит, а в ладошке - красная рыбина.

- Ня, ня, - кричит мальчонок. - Возьми!

И Пушок не растерялся, цапнул. Ел он эту рыбину на завалинке домика Ивана Ермолаевича и не мог наесться, такая вкусная - ноздри горят. Не то, что "бычки" из пруда. Ими иногда кормит его Иван Ермолаевич, - хек и хек.

Съел всю. Даже, наверное, съел еще бы несколько, но кончилась. И захотел он пить. Но воды нигде не нашел. Вечер искал. Ночь искал. Рано утром искал. Нет воды. Ни ведерка, ни кружки, ни стакана. Нет. Разные картины за это время понаблюдал Пушок. Утром - увозили толстого дядю на работу. Машины. Машины. "Зилы". Впереди- три, позади-три. Считал сам. По бокам - черные "ЗИЛы". Важный дядя. А к вечеру дядю привезла "Волга". Без охраны. Одна. Такая же, на какой возит Иван Ермолаевич Спартака Еремеевича. Всю ночь горел свет в роскошном доме важного дяди, а утром, рано-рано, подъехала та, похожая на квадратный гроб с тракторным радиатором, откинула крышку и четыре молодых парня опустили важного дядю ей в брюхо. И пропал важный дядя, навсегда пропал, как Яшка. Наверное, тоже не к месту тьякнул. Ретивая опрометчивость.

Еще раз подбегал к Пушку вырвавшийся на свободу мальчик, приносил красной рыбы, но Пушок отказался. Хотел пить, но воды нигде найти невозможно. Глупый мальчишка, заключил Пушок, угощает - пока не заматерел, а конвейер уборки ползёт.

Появлялся и танцор, тот, у кого шапка сшита из яшкиной шкуры. Бродили с ним красивые женщины, улыбались очень нарядные женщины, а танцор восклицал:

И дальше

история

наша

хмура.

Я вижу

правлящих кучку.

Какие-то люди,

мутней, чем Кура,

французов чмокают в ручку.

Двадцать

а может

больше

веков

ВОЛОК

угнетателей узы я,

чтоб только

под знаменем большевиков

воскресла

свободная Грузия.

Ну и?..

Аплодировали черные. Аплодировали белые. Аплодировали желтые. И гуляли, гуляли по дорожкам и аллеям красивые женщины с красивыми мужчинами. Гуляли. А Яшка и важный дядя больше не появлялись нигде. Не похоронили же их в кремлевской стене?

Пушок усталый приплелся к дому Ивана Ермолаевича и прилег около голубого шланга, оставленного среди грядок. Ему хотелось пить, пить и пить.

Из ЦКБ Гаранта в Кремль ввезли на "мерседесе",

Вгляделись в рыло, он - опять Лохнессе...

Директор треста Спартак Еремеевич Воротилов натруженно и справедливо спал. Волосатая грудь его время от времени вздымалась, как сибирский тулуп, и, казалось, майка вот-вот разорвется по швам от натяга. Партийный бутуз.

Калёнокаменный храп сотрясал дачу. Подпрыгивали тарелки в шкафу на полках. Дребезжал в прихожей холодильник. В гостинном зале покачивалась розоподобная люстра.

И снилось Спартаку Еремеевичу такое, от чего на мгновение он притаивал дыхание, а потом снова обрушивал скрежущий всхрап на усадьбу. Так спят идейно здоровые начальники. Стахановец... Марксистам снятся личные дачи, снятся кабинеты в Кремле, снятся изящные женщины и президентские резиденции...

Нашла бы Моника в Россию краткий путь,

Гаранта завалила бы себе на грудь,

Попробовала бы мотню ему реанимировать,

Чтоб прекратил Наину деформировать

И, в темпе половой активизации,

Отрекся бы от капитализации,

Во имя Ильича и социализации,

Вплоть до создания в Кремле аж парторганизации!

Но ведь нарежется, свинья, и в башне пролежит,

А с Моней переспит двойник с Чупы, карельский жид,

И выбросит её за Мавзолей, как гадкого утёнка,

Она ж обидется, и не у нас, а в США родит жидёнка,

Их, слышал я, в Нью-Йорке маловато,

Но девка тут ни в чём не виновата.

Итог:

Гарант очухается, пасть оскалит

И всю хулу на Клинтона он свалит,

О, бедный Билл,

Уж лучше бы ты пил!..

Маленьким-то я был - на скалу закарабкивался. Гляну вниз, подо мною небо: орел сверкает крылами, широко и вольно круги прочерчивая по синеве: "А-г-р-р-у!.. А-г-р-р-у!.." - перекликается он с горными силачами когтистолапами. "А-г-р-р-у!.. А-г-р-р-у!.." - отвечают они. Удивительные голоса их! Природа - в них. Гроза - в них. Ливень в них. И отвага - в них. Орлом стать хотелось, тяжелогрудым и грозным, Родину нашу, крестами да обелисками, как храм свечами, заставленную, окликнуть и под крыло взять, измученную.

Другой-то, такой усталой, России нигде и ни у кого нет!.. Верните мне её!..

Отдайте её, отдайте мне!..

Как-то Марья повела Ивана Ермолаича за ягодами в лес, а лес да и местность вся не очень детально им знакома: дальше собственного садика они и не высывались - люди стали злыми и внезапными... То раму в их избушке высадят и стёкла разобьют, то калитку расшатают и с петель сорвут, бросив её в канаву, едва отыщешь и удивишься

умению русскому, хулиганов русских, крушить и пакостить.

Грибов мало попадалось, брели и брели, раздвигая заросли грязного леса, разминая грязную траву, и набрали между двумя холмиками на два кладбища. Их - двое. И кладбищ - двое. Справа по боку песчаному холмику - железные планки, крест-накрест приваренные, похожие на ужасные гвозди, вбиты в каменистый грунт - номера, номера, цифры, цифры по ним, и слева - планки, похожие на ужасные гвозди, вбиты в каменистый грунт, и тоже пронумерованы и цифры, цифры, цифры по ним пущены в поколения и в столетия, не подсчитать!..

Справа - русские люди, воины, умершие в госпиталях Великой Отечественной и погребённые здесь, под Москвою, дальневосточники, сибиряки, уральцы, а слева - немцы, нашедшие последнее пристанище в России: дрались и пёрлись за расширением, за утверждением веса и могущества Германии: получили - утвердились, лежат. В мае над ними чужие ливни холодно сверкают, а в январе над ними грозная буря снегами кидается на полмира. А дома, в Лейпциге или в Хабаровске, помнят братьев и отцов. За что бились, за что дрались?..

Марья на колени - и реветь, молиться. А Иван Ермолаич прислонился к дубу, бледный: - Марья, за дощатую юрту нашу дрались, мы, а они - за левый холмик, за номера и цифры, их подитожат и увезут, а нашим, русским, лежать, Маша, тут бесконечно, кому они нужны, Маша, Спартаку Воротилову или Борису Николаевичу Ельцину? Мы и себе-то, Марья, давно не нужны, давно сами от себя отказались!

Обнявшись, как юные, они брели и брели молча между двумя холмиками, Марья плакала и молилась, а Иван вздыхал и вздыхал...

Лохнесе, Моника, Билл Клинтон

Часть третья

У Клинтона-то мочи не хватило,

Вот был бы в Белом Доме Чикатило...

Недавно идиотическое чудовище Лжелохнесе в кремлёвский кровавый бассейн загребало разухабистую одесскую воровскую молодёжь. Встряхиваясь чешуистым телом на экране, хвалило головорезов: - Я за них отвечаю!.. Никто на планете без моего разрешения не имеет права и волоса в их кучерявых чубчиках тронуть!.. Мозги у них ужасно умные, мозги, да, да, мозги! - Эстет... Утончённый хмырь.

И недавно же это же чудовище повело по мыльному лону вод пьяною ластою - лысый Гайдар вылетел на раскалённый песок московского элитного пляжа и топырит жабры, воздух ловит, прожорливый ротан. А знаменитый, в законе, Чубайс? Взмахнуло чудовище ластою - в Кремле сидит Анатолий Борисович, шлёпнуло Лжелохнесе тою же ластов - из Кремля опять, как выстрелили Толю, банкира международного!.. И лишь нижегородцы, новаторские "потомки" Минина, Немцов и Кириенко, до сих пор ещё копошатся на жемчужном берегу в мокрой изумрудной жиже: молчат, словно Лохнесе их и не вышвыривало. Назначений ожидают новых. Сколько их, лысых и кучерявых, звучных и картавых, наглых и бездарных, произраильских и проамериканских, забурбуливалось и отбурбуливалось: то - в бассейн, то - из бассейна?!..

А чудовище, Лжелохнессе, лежит: рылом уткнулось в ЦКБ, а хвостом - в Спасские ворота, мамаистая акула, шевельнулось - и Виктор Степанович Черномырдин очутился на банальной суше. Ведь - богатеи, а без должности охраняемой остаться пугаются, киллеры подковёрные!..

А чего Черномырдину робеть? За его спиной, из кабинета, видно кладбище расстрелянных. Даже могилки настоящих у восставших ещё нет. Виктор Степаныч-то вместе с другими "полководцами" расстрелял безвинных, а к могилкам их, пока символическим, спиной повернулся: стыдно прямо глаза поднять? Конституционник. Совхозяйственник.

На окаянную Думу орёт: - Коммунисты!.. Переворот!.. - А в США...

Билл не сумел, как надо, трахнуть Монику,

Дал клавесин ей помусолить и молчок.

Купил бы шлюхе тульскую гармонику,

Так нет, обиделся, бомбит иракцев, дурачок.

Мол, ежели и далее не трахну ни одну -

Славянам объявлю смертельную войну.

С ним заодно на сербов рвётся в бой

Премьер британский, пудель голубой.

Со страху уронив на Шредера фекалии,

В компанию к ним влез глава правительства Италии,

Ширак ввязался в гнусную войну,

Наверное, как Билл, не трахнул ни одну,

А Моника лежит в Израиле и плачет:

"Зачем бомбить, коль клавишин давно уж не маячит,

Им, циникам, опять нужны контрасты,

Во чё творят над нами педерасты!"

Святая Моника, а наш Главком, спроси у бабки Нани, -

Свой клавесин посеял где-то в бане

И в ЦКБ, небритый образина,

Без армии сидит он и без клавесина!..

Итог:

В Кремле две секретарши, лесбиянки,

Хихикают Гаранту в спину: "Янки,

Хоть вытащи их, мытых, из бассейна, -

Говно перед отвагою Хусейна!"

Эх, зачем я поэт, да еще - такой русский, кажется - все зря погибшие и зря замученные люди русские стучатся в душу мою: - Пусти!.. Пусти!.. - А она, душа моя, полным-полна страданиями ихними, слезами ихними, для своих-то страданий у меня и уголочка уже не

осталось. Умру, так в могиле долго Иисуса Христа благодарить намерен...

Какой переворот?.. Какие коммунисты?.. Коммунист - Билл Клинтон, большевик суперменный. Крутанул бровью - Явлинский перед ним, пионер и пионер, докладывает, подзаикаясь!.. Крутанул бровью - Генеральный Зюганов прижал к философскому лбу ладонь и отчитывается о сделанном, честно и подробно, с комсомольской искренностью и задором!.. Крутанул бровью президент США - генерал Лебедь запенил бурун у ног Билла!.. Не Билл, а Феликс Эдмундович!.. Комиссар!..

Эх, нашёлся бы хоть один - настоящий русский полковник: саданул бы по мутной колымаге, выплёскивающей на трудолюбивый русский народ, да и не только русский, а на благородные народы России, - миллионнотонную водочную отраву, уничтожающую рабочего - у станка, старика - в очереди за хлебом, ребёнка - во чреве матери, ну, эх, нашёлся бы лейтенант, бурятский Каддафи, татарский Насер, еврейский Богдан Хмельницкий - пишут, дескать, еврей он мариупольский, а нашелся бы и саданул!.. У, засеменили бы тараканы, известью посыпанные!..

А то, слышите, истерично визжит мадам Жириновский: - Меня не хотят!.. Меня не хотят!.. Сволочи! - гневается лидер ЛДПР. А чего ему визжать и гневаться? Старая дева - и есть старая дева!.. Да и в Кремле долго пахло нафталиновыми духами Тетчер. Госпожа пятно на челе Горбачёва пыталась оттереть импортным одеколоном, не получилось: пятнистое чело мелькнуло на продажном экране, а пятнистый лошажий череп на Куликовом Поле - для обозрения русичам, не изменившим Христу и праведному звону меча калёного!.. Ратники есть - жаль, князя бесстрашного нету!.. Не на Спартака же Еремеича уповать?

Матерь бессмертная,

Богородица пресвятая,

Наступи на поганые языки

Лицедеям, фарисеям,

Банкирам и министрам,

Комментаторам и дикторшам,

Сеющим в душу русскую

Грех и омерзение!..

Богородица великая,

Защитница жён и невест русских,

Накажи золотозобого голопузого Гайдара,

Утихомирь взбесившегося Черномырдина,

Зажми клюв кукарекающему Явлинскому, -

Пусть они упрутся мыслями в кресты, в кресты, в могилы, в могилы, в кладбище безвинных, восставших, но расстрелянных ими, ими, ими, окопавшимися за бочоночным брюхом Лохнессе!.. Освободи нас, людей хлебопашных, от ленивых генералов, дай нам, людям, в очередях измученным, гвардейского лейтенанта: он - Дальний Восток сбережёт от китайского заполнения, Сибирь за долларовые долги не отдаст янки, деньги запретит печатать в Чичьме и Мелеузе, Торжке и Анапе!.. Он - русских вспомнит, по СНГ раскиданных и забытых!..

Пахнет нафталиновыми духами, пахнет. В Кремле пахнет. И Лжелохнессе лежит: рылом уткнулось в ЦКБ, а хвостом - в Спасские ворота!.. Недееспособно чудовище: и, к счастью, из Америки не Моника едет, а вторая Тетчер - гражданка Олбрайт!.. Некоторые кричат: "Олбрайт!".. Некоторые кричат: "Олбрайт!".. Где истина, товарищи депутаты?

Как вам не позорно, люди русские, иметь подобную холуям оппозицию? Как вам не позорно, люди русские, иметь подобных холуям генералов? Как вам не позорно, люди русские, терпеть бред дикторши Светланы Сорокиной, свежо схожей дарханном обличьем с Председателем Великого Народного Хурала Монголии Батмунхом Цэдэнбалом, но в своё время призывавшей: "Стреляйте красно-коричневых революционеров!.."

Как вам не позорно, люди русские, терпеть кляузные эмоции диктора Евгения Киселева и его дергающейся подружки Митковой, без них телецентр давно превращён в антирусское сексостойбище, смердящее по областям и республикам России, а с ними - дышать вообще нечем: понашкодили на земле немилой, вот и мерещатся им в курином яйце - русский фашист и в чесночной котлете - русский фашист!.. Фашисты фашистов ищут? Почему рот замкнули вожди оппозиции, нравится им - как распинают мерзавцы русский народ? Чем ещё дать по зубам русскому народу, какой ещё несправедливостью огреть его, каким пойлом ещё оплеснуть его, - война и спасителя?!

И мы, писатели русские, елозим по-трибунам, шоркая пенсионерными джинсами и трясая лишаистыми бородами: "Утлое стадо православных сохранится от убоя, малое, и нам в сие стадо утлое угодить и выжить надо, угодить и выжить, угодить и выжить!".. Коллективисты.

Какому Богу изменник угодит? Христос не поощрял изменников! Ну, спрашиваю, вас, вас, одинаково лобызавших Иуду и Христа, спрашиваю: какому Богу угодит предатель?.. Христа и реформатор не объегорит! Мы, русские люди, упустив газеты и радио, телеэкран и толпу, ввергли себя в удивление и неприязнь, виноватость и обиду со стороны соседей, братьев национальных наших, а мы же - единая Россия, славноязыкая, славноратная. Россия, Россия, золотая, крылатая, взлетающая солнцем яснонопылающим в зенит мир согреть и человека утешить!.

Навстречу мне с холма звенит багряно

Знакомая рябиновая гроздь.

А по стране, покачиваясь пьяно,

Сквозь нас бредут бесхлебие и злость.

Я жил и пел, я плакал и молился

И никогда не думалось о том, -

Как пожалеть, что я на свет родился

Иль оказаться в море за бортом?

Душа можжит в смятениях и ранах,

Подстрелянная вдруг на вираже...

Сурово спят Матросовы в курганах

И не воскреснут Минины уже.

По вечерам окутывает дали

Чужая несговорчивая мгла.

И потому аж до зари рыдали

И утверждали гнев колокола.

Гнетёт меня железная усталость

И крик мой застревает на звезде:

"О, ничего нам, русским, не осталось

Распятым на страдальческом кресте!"

Скорбит земля деревнями пустыми

И долларовым давится дождём... .

Но мы придём пророками седыми

И витязями жданными придём.

Мы воины отрядов неподвластных,

Мы лжецарям обиды не простим:

И отомстим за матерей несчастных,

И за невест пленённых отомстим!

Легко ожесточиться и стрелы иронии в действующих нацеливать. Но Зюганов чуть припозднившихся героев на варварском суде защищал. А дерзкий командарм Лебедь две братоубийственных войны укоротил. И генерал Николаев чёрные алкогольные составы, катящиеся на русский народ, в горах Кавказа тормознул. А кающийся Лужков зря ли у Храма Христа Спасителя опекун? И губернатор Кондратенко, как перед Куликовым Полем Дмитрий Донской, дружины непоколебимые окликает. И-и-и-х!..

Едва коснулись локотком локотка витии России - и в премьерях академик. Зачем же к Биллу Клинтону поспешать нам, разным, но единым - по России и Полю Куликову? Америка - Америке. А Россия - России. С нами Христос. И Богородица, мать русская, с нами. Довольно?

И путь русский - перед нами течёт, кремнистый и долгий, тяжкий через Голгофу, через расстрелянных и убитых, оклеветанных и замученных, течёт через украденных и проданных, изнасилованных и замурованных в подвалах - маньяками, в песках - казнителями.

А чудовище, Лжелохнесе, в кровавом бассейне прислушивается тревожно, а могота иссякает. Скоро, скоро перестанет оно в океанах корабли наши крушить, а по рубежам нашим перестанет куски седой земли русской чугуною ластою откалывать и диким каркающим стаям кровь нашу сверкучую разбрасывать!..

Земля седая наша

И путь наш седой и каменный, -

Ночь опустилась над нами,

Огромная и слепая.

Но там, на слиянии

Пространств русских

И русских небес ярозвёздных,

Свет-Богородица,

Мать русская наша,

Одна, в белых одеждах, стоит:

То ли к смерти она приготовилась,

То ли нас на Победу

Благословить вышла!..

Правда и неправда. Красота и безобразие. Жизнь и смерть. А мы, русские, - правдивы. А мы, русские, - прекрасны. А мы, русские, - бессмертны. Вперед!.. Вперед!..

Где наши прадеды? В Севастополе и на Шипке - под обелисками! А где наши деды? На Сахалине и на Хасане - под обелисками! Где наши отцы? Под Москвою и под Сталинградом, под Варшавой и под Берлином - в могилах братских, в курганах братских под обелисками! И дети наши в Праге и в Кабуле, в Таджикистане и в Чечне - под обелисками, под обелисками, под обелисками!

Не мешайте нам, русским, справедливыми быть, красивыми быть, честными быть, бессмертными быть, не мешайте!..

Авдей усёк, что канцлер Коль

Весьма не уважает алкоголь,

И сам решил, рыбака на Байкале,

Свой красный нос не полоскать вином в бокале.

Простился с Кодем, ай, не утерпел,

Надрался под Хабаровском и опупел:

Дельфинить стал, гремя водой по синим ветхим яйцам,

Разжалобился, полреки вдруг подарил китайцам,

Мол, я с шунтами здоровей былого,

И пескаря приплюсовал им из улова,

Чечню пообещал, чем взволновал до слез,

А далее такую ахинею нёс!..

С тех пор острят хабаровчане хмуро:

"Кому бы сбегрить старого савраса,

Оставил всех без Крыма и Кавказа,

Сам без яиц, а мы уже с ним без Амура,

Дались ему шунты, рыбалка и туман,

Пропьёт и Волгу-матушку, болван!"

Итог:

Ну а Гарант хрипит на берегу хунхузу: "Ко-оль,

Позволь по третьей тяпнуть, а, позволь!"..

А настоящий Коль сидит и слушает их в Бонне,

Записанных чекистом на магнитофоне.

Не через десять, так через двадцать лет Москва делается чужим городом для русских, столицей чужою, а, может быть, и государство наше, народом русским построенное и скреплённое, осиротеет раньше без русских, чем русские осиротеют в Москве, древней столице русских.

Христос нашёл, полюбил и посеял нас между другими народами, он, бессмертный Христос, и укажет путь нам, русским, к спасению: нас распинают, а мы поднимаемся, травят, а мы воскресаем!..

Стремление выбиться в передовые, в первые – священное стремление нерадового патриота: деятеля, рабочего, учителя и врача, доярки и медсестры. Все мы – сестры и братья!.. Нам, России, завидуют. Ревность и зависть – у врагов наших. И поэт Владимир Маяковский учит:

Жил–был король английский,

Весь в горностай–мехах.

Раз пил он с содой виски.

Вдруг –

Скок к нему блоха.

Блоха?

Ха–ха–ха–ха!

Блоха кричит: “Хотите?

Большевиков сотру!

Лишь только заплатите

Побольше мне за труд!”

За труд? Блохи?

Хи–хи–хи–хи!

Король разлился в ласке.

Его любезней нет.

Дал орден ей “Подвязки”

И целый воз монет.

Монет?

Блохе?

Хе–хе–хе–хе!”

Блохи, насекомые, паразиты, дармоеды, мироеды, банкиры и капиталисты не забывают про нас, отважных и непобедимых, строящих справедливость на земном шаре. Чудовища рыщут, ползают и плавают у рубежей Отчизны. Мы обязаны крепнуть и расти.

И надо ж такому приключиться! Забресжилось и Еремеевичу.

Да, и вот – стоит он, будто бы на трибуне родного городка Задорного. Стоит – среди корешей, соратников. Флаги багрянятся и трепещут. Играет духовой военный оркестр, медный, прочный. А по бокам, на стенах зданий, окружающих площадь, развешены портреты его товарищей–наставников. Лица на этих портретах разные. Есть настолько лысые как вылизанные коровой. Есть – чубатые. Но все внушительные и все обожаемые. А в центре самое главное лицо. Невысокий, конечно, но ничего, прибранный зачесом

лоб. Нос – ничего, правда, несколько подмят, подпорчен как бы. Но – брови! Ни у кого не приходилось Спартаку Еремеевичу Воротилову видеть таких никогда.

Прошел Спартак Еремеевич, как и его шофер, Ваня, от Москвы до Берлина, а бровей таких и однажды не встречал. Брови работают и на тех, кто стоит рядом со Спартаком Еремеевичем Воротиловым на трибуне города Задорного. С бровей как бы начинается общесоюзный полет и движение. Слияние наций...

Крылато летят знамена. Восторженно плещутся на ветру плакаты. Реет музыка. Искрятся на солнце никелем трубы оркестра... Радуются солдаты. Радуется милиция. Радуется город Задорный. На лацкане каждого портретного лица – награды. И не простые, а золотые. По две – и даже по три. Блестят. И лица блестят. И награды блестят. И площадь города Задорного блестит. Но главный блеск, повелительно–мудрый и вечный, исходит с простого русского пиджака главного лица, главного портрета, который разместился на главном месте, в центре других главных лиц и главных портретов. Такой блеск, такое сияние духовное! А звезды, Спартак Еремеевич чувствует каждой жилкой, льют на его строительную душу, корешей, соратников и на весь его строительный трест ободрительный экстаз: мол, живи, трудись, радуйся! Звезды. Их на русском пиджаке, как в ясно морозный август на небе. Вселенная...

Спартак Еремеевич Воротиллов был, можно сказать, в самом соколином полете. И ничто его из этого райского сна, из этой как бы сладчайшей оратории празднества не могло бы выхватить. Храп его падал с кровати на пол. С пола докатывался до холодильника, вспугивал люстру и снова позвякивал в тарелках. А люстра жалобно подрагивала, вспыхивала и удивлялась.

Колонны проходили за колоннами. Звенел оркестр. Жизнь клокотала и мчалась в грядущее, туда, куда простым и смертным пути заказаны. В это грядущее прорываются самые кристально–честные борцы и те – коллективно. А позже, за ними, – трудящиеся массы, но укомплектованно, шеренгами, отрядами, классами. Тут – не дремай сам и не гневи блюстителей порядка. Задача ясна. Поторапливайся.

Но вдруг храп прекратился и замер. Перестала покачиваться люстра. Прекратили звякать в шкафу тарелки. Замолчал в прихожей холодильник. Протяжно и утробно визжа, Спартак Еремеевич вскочил с кровати и начал на четвереньках пятиться к дверям. Визг директора треста разбудил все вещи, все предметы. Все начало шуметь,

тормошиться, издавать невероятные исковерканные звуки. С вывороченными белками и со вздыбленными кучерявыми волосами Спартак Еремеевич напоминал потрясенного африканского идола, почти Отелло. Потный, тяжелый, дрожащий, он спрашивал:

– Ты кто?

– Я? Лохнессе. Я прибыла из Шотландии, через Нидерланды в Японское море, а теперь – в Задорный. Буду делать у вас небольшой Мозамбик. Я Лохнессе. Я – оно, он и она!..

Чудовище вылезло немножко, по шею, из воды идохнуло. Сразу же вокруг трибуны почернели портреты. Чернота еще и еще погустела. Погустел и центральный, главный портрет. Главное лицо с бровями. С бровями–сардельками, но в более жемчужных и бесценных драгоценностях, нежели толстые пальцы толстой певицы и продавщицы. В бровях полыхали рубины, изумруды, жемчуга. Главное лицо теперь напоминало Спартаку Еремеевичу вождя недавно обнаруженного дикого племени. Но то лицо – бедное лицо. Почернели все на трибуне. Почернели все, кто шагал, радостный и праздничный, в шеренгах, отрядах, колоннах города Задорного. Почернел рабочий класс, почернели крестьяне. Почернели духовики, почернели милиционеры. И только трубы сверкали никелем. Почернел и сам Спартак Еремеевич Воротилов, директор треста.

А Лохнессе наступало:

– Куда возишь в закрытых машинах тёс? Куда дел изразцы и керамику? Кому бесплатно построил дворцы? Говори!

Чернели, чернели портреты, а потом такое на них нашло. Стали покрываться они иголками дикобразов. Иголками стальной масти. Длинными, острыми, да еще и заточенными на кончиках, тронь – наколешь палец. Глянул вокруг Спартак Еремеевич и осел. Струсил. А дикобраз, который с правого краю, и заговори:

– Не трусь. Я же инспектор Главка, мы с тобой семгу ели под водку, забыл?

А второй, который с левого краю, перебивает крайнего правого:

– Еремеевич, чья это такая крамольная песня из церкви доносится? Ты меня забыл? Я твой друг, писатель Эдгар Фомич Алмазов. Речи за тебя сочиняю. Поищи в кармане. Поищи.

Остальные молчат. Ждут, что посоветует главный. Его–то и угадал Спартак Еремеевич, хотя он и больше всех дикобразом сделался. Председатель, точно председатель объединения трестов! Спартак Еремеевич тоже с ним пил, в молодости, затем – дороги разошлись. Председатель круто в гору пошел. Но изредка вспоминал Спартака Еремеевича. Больше – когда дело касалось его дочери или зятя, или сына, или дядьки, двоюродного или троюродного братца...

А Лохнесе – Лохнесе. Как даст передней ластой – исчез крайний правый. Как даст задней ластой – исчез крайний левый. И председатель, центральный, главное лицо, начинает качаться. Все онемели, молчат. Море бушует. Ветер поднялся над городом Задорным. Спартак Еремеевич почему–то в предсмертный миг вспомнил свою белесую секретаршу Тоню, которая где–то сейчас там, среди народа, и, может, даже с его, Спартака Еремеевича Воротилова, портретом на тонком и музыкальном плече идет. Демонстрация же. Единение же. С народом же...

Неужели и она почернела? Африка! Ни жены под рукой, ни бульдога. Пес жену караулит, а Еремеича и защитить некому.

А Лохнесе заулюлюкало, зафыркало, бац хвостиком, удавьим или крокодильим, по широкой шляпе Спартака Еремеевича. Шляпа улетела. И слышит Спартак Еремеевич Воротилов, как на его трезвой голове вырастают, поскрипывая, иглы дикобраза. Вырастают и поскрипывают. Вырастают и поскрипывают.

Башка Лохнесе сильно напоминает квадратный гроб с тракторным радиатором, откуда, помнит Пушок, не вернулся ни Яшка, друг Пушка, ни важный дядя, по слухам, друг председателя, главного лица среди портретов и главных лиц на трибуне города

Задорного. Не мавзолей же для важного дяди арендовать?

Спартак Еремеевич собрал волю и отчеканил:

– Что ты лезешь в мои внутренние дела? Я фронтовик. Плыви в Нидерланды по–хорошему. Сынок у меня там, сынок! Хочешь, я и тебе достану тесу? Бамбуку надо? – уже освоюсь, спросил Спартак Еремеевич, – Самовар золотой или ласту золотую подарю, хочешь? И уплывай, пожалуйста, в Копенгаген!

Но Лохнесе зашатало, запенило морские волны, пододвинуло их прямо к трибуне:

– Чьим детям и внукам ты строил катера и бани? Отвечай!

Директору треста показалось, что Лохнесе не челюсти раскрывает, а приподнимает квадратную крышку гроба, взбрыкивает и тархтит. Пропал, подумал он.

А Лохнесе продолжало:

– Ты много разворовал. Я плаваю по морям, по океанам, занырываю в реки, в озера, могу увеличиваться и уменьшаться и появляться даже в дачных и квартирных бассейнах, которые ты понастроил этим черным лицам, скрываясь от народа, стыдясь самого себя, дрожа перед законом. Раб – и строишь рабам! Хозяева страны так преступно себя не ведут. Я знаю на земле всех воров, и тех, портреты которых носят на отполированных черенках демонстранты, и тех, которые еще не выслужились до портретов. Но сужу я всех одинаково, всех! - Лохнесе, заметил директор треста, успокоилось.

И Спартак Еремеевич тут же воспользовался. Он сунул руку в пижаму и выхватил из кармана глянцевый листик бумаги. Развернул. Разгладил. Вздохнул. Подраспряился. Надел очки и мысленно поблагодарил покойного теперь друга–писателя, и зачитал:

- Глубокоуважаемая госпожа Лохнессе!

И глубокоуважаемые гости, дамы и господа!

Свободные и счастливые граждане города Задорного рады приветствовать Вас на своей вольнолюбивой земле. По поручению Совета депутатов трудящихся и от имени всего Задорненского района говорю вам: “Добро пожаловать в наши края! Вы сможете познакомиться с жизнью и бытом рабочих и сельчан!”

Спартаку Еремеевичу на миг почудилось, что он – глубокий и талантливый, обласканный регалиями и складный, как Расул Гамзатов, бессменный и всеми любимый, как председатель, главное лицо среди портретов и среди главных лиц. Сделал паузу. Значительную. Выжидательно прислушался. А может, и чудовище Лохнессе человек? Ведь и у Лохнессе, покопать, так найдутся ошибки. Ну, ни воровство, так взятка, ни взятка, так национальный подарок – перстень али самовар, али какая чушь. Хотя Лохнессе перстни не носит, чай не пьет... Не целуется.

Но закипела вокруг трибуны вода морская. Вздыбились и замахали гривами ледяные темные волны. Загорчалась пена. Тучи поползли над горизонтом. Потемнело. А Лохнессе ближе, ближе подплывает, разевает крышку квадратного гроба – челюсть, а вся остальная часть ее туловища в воде, и приказывает:

– Залезай, негодник, в рот ко мне, да поживее, залезай!

– Я не виноват! – упирается Спартак Еремеевич, – они виноваты, – показывает он на портреты.

А Лохнессе ближе, ближе... И пропади она пропадом, ка–ак тяпнет! И Спартак Еремеевич очнулся. Рядом – ни жены, ни Тони, секретарши среди демонстрантов, ни бульдога–песика. Один. И только что побывавшая тут Лохнессе. Пахнет скандалом и

чешуёю.

Воротиллов, бледный и надтреснутый, хотел принять холодный душ, но побоялся – ванна... Полежал. Встал. Сделал семь настоящих приседаний и побрился. Включив приемник, он окончательно убедился, что губительный сон миновал, что жизнь вернулась к нему, реальная и знакомая, песней знаменитой звезды радио и экрана:

Па–а–люби меня,

Слышишь, па–а–люби меня,

Па–а–люби!

Хочешь меня,

Хочешь, хочешь?..

На центральной площади города Задорного разбирали сколоченные к празднику трибуны. Снимали портреты. Увозили флаги. Свертывали плакаты. Тощая супруга Спартакка Еремеевича Нина водила возле рынка на поводке тупомордого и глупого бульдога. Таскает зверюгу за собою, а муж балуется... Шалопай.

Веселая Марья, жена Ивана Ермолаевича, мать Аси и Ксюши, бабушка индийским ребятишкам, прихварывала сердцем. В сад не поехала. Юная продавщица, открывшая Ивану Ермолаевичу цех, где алкаши делают зеленые шланги и поправляются, мечтала стать плотной, гладкой продавщицей, на сардельковых пальцах чтоб увесисто звенели кольца и в ушах чтоб цилиндрически сверкали серьги. И чтоб, как певицу, любили и любили ее!..

Пушок не ошибался – знал, что наступает суббота, и надо встречать Ивана Ермолаевича рано. Заявится он к домику с первой электричкой. А мог бы с последней: куда ветерану скакать?

Лохнесе, попрощавшись с городом Задорным, повернула к Японскому морю и через Шотландию взяла курс на Данию и Копенгаген. Спартак Еремеевич Воротилов, осмотрев пристально усадьбу, заглянув за все заборы, издали обшаря взором купальный бассейн, взволнованный и ошарашенный, ушел к друзьям поиграть в домино. Лохнесе – он, оно, она, не разгадать!..

Электричка, суматошная и подвижная, набирала скорость, отсчитывала станцию за станцией по дороге к садику Ивана Ермолаевича. А Иван Ермолаевич, в постиранной и проглаженной полосатой рубашке, с узелками и сумками, посиживал себе да подумывал у окошка. Солнце. Ветерочек. Рай.

Вспомнил он благодарно Лингу Ильиничну, ее японские магнитофоны и мозамбикские мясорубки. Вспомнил и голубой нидерландский шланг “аля пупс”, и кровные сорок девять рублей, но не пожалел: шланг–то, он догадывается, наш, но не зеленый, а голубой. А Ивану Ермолаевичу не деньги надо, а шланг. По деньгам – забота. Иван Ермолаевич отвоевался, отработался, годик осталось до пенсии. Шофер – не бог вещь какой чин. Уйдет вовремя. Не министр. Это министру нельзя уходить вовремя или еще какому громадному деятелю. Без них не только страна замрет, но и колесо у “Волги” не закрутится.

Вагон чуть поматывало. А так – нормально. Двигается и двигается вперед. Правда, раньше электричка от города Задорного до станции “Цвети планета” ходила сорок три минуты, а теперь час. Но ведь народу прибывает. Вон что творится при посадке. Ноги ломают. Мешки и портфели путают, вышибают, детишки теряются, от родителей отстают. Странно устроена человеческая жизнь. На работу – втискивайся в автобус. На

отдых – втискивайся в вагон. Не успел – опоздал. И так везде. И так – многие и многие десятилетия. Опоздаем – угонят державу!..

Ивана Ермолаевича опять охватило раздумье. Вон, отмечал он, сидит у дверей передних бывший солдат. Настороженный. Осунувшийся. Горький. Весь – в себе. Едет, как на посту стоит. Не просмотреть. Не опоздать – выскочить. Иначе – заметут, затиснут и вытолкнут не там, где надо. А – инвалид. Костыль у плеча. Вон – бабуся одинокая. Муж, точно знает Иван Ермолаевич, погиб в первые дни войны. Да и сыновья, небось, в братской у Смоленска. Дочка, одна или две, кое–как повыходили замуж, потом поразвелись, вырастили по ребенку и растворились не в Сибири, так в Таджикистане, не на великой стройке, так на легендарной целине. А бабуся везет из города Задорного в родную избенку свинцово–сизый стальной батончик да известковой твердости сметанку. И рада. Слава Богу. Не укус везёт.

А вон замечталась – юродивая. Лицо отрешенное, отрешенное. И ничего в нем нет – только видна печальная пустыня, и все. Чахлая, как вырванная из корня вишня, у него в садике хулиганями. Не отольешь, не отходишь. Так и увянет. И тоже рада. Смахивают беззащитностью и утратами они друг на дружку.

Поматывает вагон. Поматывает. И думает Иван Ермолаевич о себе, о людях, о Пушки, о Спартаке Еремеевиче. Ничего человек, ничего. Есть куда хуже. Вон развалился тузина. Один занял целое сиденье. Копия – Спартак Еремеевич Воротилов. Только глаза маленькие, злые, как два черных навозных жука, в орбитах ползают и жужжат. Наверное, тоже на “ЗИЛе” ездил, да прогорел, теперь – в общем вагоне. На пенсию не должен вовремя уйти, не больше шестидесяти восьми или семидесяти трех ему, не больше. А кто же добровольно ныне с поста уходит? Из персонального “ЗИЛа” мало кто пересаживается добровольно в общий вагон, мало. Добровольцы – редкие ископаемые!..

– Эй, философ! – крикнул на Ивана Ермолаевича молодой и наглый парень. - Ну–ка, подвинься, побыстрее, еще, еще, ну!

Иван Ермолаевич стушевался, съежился, сделался маленьким и капризным. Путешествующие вебри.

– Давай, давай, – орал парень, – двигай, двигай его на окно, авось, вылетит!

Иван Ермолаевич покраснел. Что же это? Войну прошел, Москву не сдал. Что же?

Компания, два парня и две девицы, мусоля сигареты на языках, даванули - Иван Ермолаевич, как хорошо обшорканный мяч, выскользнул и завертелся между сидений. Никто не заметил этого. Никто не одернул хулиганов. Никто не посочувствовал Ивану Ермолаевичу, старому солдату и старому шоферу.

Долговязая девица вытащила из “походного” мешка гитару, закинула голую и неприятную ногу на вторую, не менее неприятную и по-мужски, затянувшись вонючим дымом, гаркнула:

Па-а-люби меня,

Слышишь, па-алюби,

Па-а-люби!

Иван Ермолаевич остолбенел. Вот как. И такие есть? Не толстые, но невероятно противные. Он перестал сердиться. Пусть его вышвырнули. Он глядел на них, будущих отцов и матерей, и спрашивал себя молча: а кого же они нам родят? Кого они принесут в этот мир? Кого приведут к ручью? Кого позовут послушать ликующую березку? Но вот он сжал свои страсти. Что же я на все и на всех-то? Земля есть. Жизнь есть. Вон

мальчуган – бутуз, на коленях у молодойки, вытанцовывает, смеется, заливается. Тюльпан и только!

Электричка залязгала, заухала и остановилась. Иван Ермолаевич выбежал на воздух, не слыша тяжеленного многоузлого багажа на спине: “Наконец–то!”

– Хелло! – заорал ему в окошко вагона все тот же парень, –Лохнесе! Будь здоров! Лохнесе!.. - Но он уже не услышал Он приступом, по–гвардейски, одолел бугорок над станцией, торопливо просеменил по утопанной тропинке между старинными липами вырубленного и растасканного на дрова парка, миновал полусгоревшее отделение связи, секунду задержал наметанный взгляд на телефонной будке, корпус которой был измят, изувечен, стекла выбиты, а сам аппарат исчеркан матершинными словами и угрозами. “Эх, работал бы сейчас телефон – позвонил бы в железнодорожную милицию!” – сожалел Иван Ермолаевич.

А вот и садик. Домик. Заборик. Калиточка. Брызнул в лицо грустный и неувядаемый запах сирени. Тихо тронула сердце старая, широкоплечая яблоня, задержавшаяся тут еще от чьего–то бывшего хозяйства. Иван Ермолаевич знает: никогда не надо торопиться выкорчевывать зеленую яблоню. Она придает всему саду серьезно–человеческий вид, устойчивую осанность. И молодые яблони стараются дотянуться до нее, сравняться и зацвести. Юность и красота неистребимы.

Красота не родится ежедневно и ежегодно. Ее надо колыбелить, растить и оберегать. Есть сады старые, а, как пьяно прорубленная делянка: ни порядка, ни вида, вкривь да вкось, да все изогнуто и некулемо, все завалено хворостом, затыкано пнями. А пни–пеньки жалеть не надо. Пень – есть пень. Это и Пушок, не только Иван Ермолаевич, знает. И везде должна быть честность. И у Ивана Ермолаевича – своя. У Пушкина – своя. А у всех вместе – своя. В целом – похожая. Почти – одинаковая.

А яблоня – цвела. Благоухала. Звала к жизни. К действию. К памяти. Она, словно крик ночных журавлей, устало пролетающих над лугом или деревенькой, или над таким вот, как у Ивана Ермолаевича, садиком. Ермолаевич их услышал, будто вдруг почувствовал легкий укол в сердце, толчок, но врачующе–ласковый, как давний голос матери. И всем существом своим ощутил шелест их крыл, напоминающий шелест липы или березы, или широкий и теплый шелест речной волны после дождя, когда земля устанет от ветра и солнца.

Что такое журавлиный крик?

Это сигнал из космоса, из Вселенной. Сигнал – не горюй, брат, ты жив, ты думаешь и стремишься. Это – привет тебе, внукам твоим. Костя Брусникин, погибший поэт, шлёт привет свой журавлиный Ермолаичу. Костя, Костя!.. Ты мечтал родить много детей, мечтал учить их России, России учить, дабы, Иван Ермолаич подтвердит, не убежали они в разные африкано-американские края, где не только человеку, но и обезьянкам жарко. Слава Богу – Марья у Ермолаича есть, добрая, верная, назначенная специально для исполнений его скромных желаний, и назначена Господом: солдата Бог не обделил благодарностью, а Марья и поняла свою бабью задачу. Цены ей нет!..

Сегодня все лезут во фронтовики, даже Еремеич наговорил на себя кучу подвигов батальных, а самому палец указательный оторвал им украденный со склада снаряд, оторвал, а Еремеич и тыкает, озлясь, культёю в морду народу обманутому и, заключив тайный сговор с нашими генералами, американскими тайными подданными, расстреливает безвинных и безоружных людей русских, если они попросят у Ельцина не раздаривать русские земли за взятки, не перечислять в западные банки их горькие трудсбережения! Ельцин – псевдонимный Воротилов...

Шофёр Иван Ермолаич ничего толкового не мыслит от него получить: ни пенсии, ни уважения, ни присмотра хозяйского. Собачье мурло, гавкающее на ветеранов армии и завода, на ветеранов полей и фабрик. Детей русских ненавидит: за учёбу – плати, за лекарства – плати, за детсадик – плати! Да какие деньжищи плати! А где их найти, деньги-то? Россию, изверг, навзничь опрокинул – и насилует её, насилует на глазах у нас, фронтовиков седых, насилует её на глазах у детей и внуков, насилует её перед крестами и обелисками нашими, отёчный Иуда!.. Он – Чикатило. И Клинтон – Чикатило.

Ермолаич не зоолог, но знает: из подогретых солнышком морских вод сначала выскочили на сушу бронтозавры, потом гориллы, потом вараны и крокодилы, за ними – Лохнессе, потом Адольф Гитлер, потом Клинтон и Ельцин, а потом Олбрайт, Наина Иосифовна и Моника... Бабы, визжа и фыркая, последними вылезали за Аллой Пугачёвой из воды и за ее белокальсонным Филиппчиком Киркоровым, последними.

Лохнесе, Ельцин, Олбрайт

Часть четвёртая

В Кремле так и не понял пьяный боров,

Кто Алла Пугачёва, кто Киркоров...

Линга Ильинична, жена полпреда, торгующая шлангами и чепуховым записывающим оборудованием, уверена: Спартак Еремеевич Воротиллов давно скончался в городе Задорном при неожиданном испуге, как дёрнула его, пьяного, Лохнесе за левую ногу, а, вскочив с криком на правую, Еремеевич не удержался и ударился о подоконник сонным виском. Коммунисты, похоронив тайно руководителя, нашли подставного, почти идентичного, но гораздо моложе. А дурной народ не заметит, заметит – не догадается об афере, русский простофиля. Кругом – кастраты...

Линга Ильинична помогала советской разведке, пребывая с мужем за границу: она уверена – Рейган Рональд – Лохнесс и Джордж Буш – обыкновенный Лохнесс, потому и нашего оболдуя, Горбачёва, они запросто объегорили и СССР у него раскромсали, а ему подарили модный носовой платочек – сморкаться и лысиною потеть. Линга Ильинична, покинув разведку и политику, осознала: и Ельцин – Лохнесс, а настоящий Борис Николаевич похоронен под Свердловском. Погиб, не успев опохмелиться, хотя и подставной – ужасный пьяница, а не бабник. Гляньте на Наину – искорявило её, изморщило, как Аллу Пугачёву, когда Киркоров по командировкам катается: матрац некому подогреть!.. Импотенты.

Рузвельт был Лохнессом, и Черчилль был Лохнессом, а Сталин – нет: Рузвельт и Черчилль – надували нас, объегоривали, армии собственные бомбардировщиками да истребителями сопровождали, солдат берегли, лукавили, а Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин воевал честнейшим образом – около тридцати миллионов воинов русских легло в братские могилы в Европе и в Азии. Из любой европейской державы, из любой азиатской страны, закрой горькие очи, и по обелискам путь до своей кособокой избы нащупаешь и нигде не потеряешься, вот этак честно и так беспощадно товарищ Сталин сражался с врагами Союза Советских Социалистических Республик. Равных Сталину не найти.

Да, Ельцин и Клинтон – Лохнессы, только Билл Монику по Белому дому гоняет, приватизировать жаждет, а нашего и кастрировать не надо.

Авдей подвыпил с Клинтоном и на привале

Затеял речь с американцем о морали:

“Ты НАТО в сторону России расширяешь,

По бабам, пишут про тебя, отчаянно ширяешь,

Хоть внешне безобиднее котёнка,

А вот, поди ж, заделал негритёнка!”

“Завидуешь? – Билл рассмеялся, – значит,

У самого пистоль уж не маячит,

И ты среди Наин и Сар

Реформу проворонил, комиссар!..”

И принялись сжирать икру и патиссоны

Марксистско-сионистские масоны.

Тут дама, из гостей, воскликнула: “Ах, Билл,

Да разве ты не знаешь, он debil,

Он на Урале двадцать лет бетон башкой долбил!..”

Итог:

А в Израиле, помня эту фразу,

Раввин изрёк: “Найти сию заразу

И, упразднив над нею нежность Билла,

Сурово наказать её за нашего дебила!..”

Грустно мне. Гляну в поле – там синий тощий туман и мелкоглазые русские избенки. Иконы в тараканьих да мышиньих шуршаниях, горницы, до Петра I освещенные, с божничками вознесенными на углы, а домики – кто их надстраивал и украшал? Реформы и войны. Войны и реформы. Светят в мое русское сердце лики Богородиц и лики бабушек, сестер этих болезных Богородиц: не пойму – кто из них небеснее и врачевательнее. На этих святобессмертных ликах Русь милая веками удерживается, муки и собственную судьбу превозмогает.

Русское горе не одинокое: сытым и хищным от него неуютно и страшно, а бедные и обманутые правоту и силу в нем слышат.

Газеты и радио, экраны и комитеты, разные политбюро и правительства сообщают своим народам, мол, вчера в шесть часов и семнадцать минут в Москве или в Пекине скончался выдающийся деятель и так далее, и тому подобное... А в жизни – всё наоборот: заплывла Лохнессе к Брежневу на даче в бассейн, он zenки разомкнул, купаясь, Лохнесседохнула – тот и отдал концы!..

И с китайским Мао Лохнессе аналогично поступило: фыркнуло на Председателя КНР, когда вождь залезал в ванну, изумрудом и жемчугом отполированную, кормчий и ткнулся мимо – головою об вихотку. А Сулова Михал Андреича, значит, ленинца непререкаемого, чудовище вообще испугало. Андреич лежал на закрытом и охраняемом пляже в Сочи, а Лохнессе, выбравшись из моря, тихонечко ему, дремавшему старичку, в ухо “шы-ы-ыш”, Андреича и скрючило. Отнесли...

Долго уркал в воде Пельше. Я, дескать, слежу за партией, веду дисциплину и прочность идейную блюду в КПСС, а ты кто и откуда ты заплывла, американская субмарина, где, на каком пункте какого пролива тебя пропустили, разберусь. Начал бурлить в бассейне, под Москвою, и угрожать. Латышский стрелок. Владимира Ильича помнил и Леонида Ильича обожал. Вёрткий, прибалт!.. Лилипутный краб.

Лохнессе и пошутило: подцепило Арвитда Яновича на ласту, качнуло и уронило в центре бассейна – он и не вынырнул со дна!.. Артисты. А Спартак Еремеевич - ребенок. Готов прижаться к Лохнессе и покаяться, да и проступки у него мелочные: тес махнул, кирпич махнул, секретаршу поласкал за дверьми кабинета закрытыми, а кто не торговал

казенным добром, кто к симпатичной бабе не приближался на опасное расстояние? Арвид Янович, пупырь партийный, и то – чик-чирик – и незаконно дикторша от него забеременела, рассекретило тайну ещё в Копенгагене Лохнесе, но чудовищу просто не до тайн, на каждом шагу – борьба и усилия!..

За какие грехи и несуразицы Лохнесе их, святых, поколебало?

За шпионаж, за славные ль свершенья

На Шеварднадзе снова покушенья?

Но, шелестя червонцами кредита,

Бандиты шерсть не портят у бандита:

Гранатомёт ударил прямо в лоб,

Весь “Мерседес” разворотил, а жлоб

Сидит, пороховой окутан тьмой,

Портфелем морду вытер – и домой.

В экран кацо кричит: “Наверняка

Теракты надо мной – Москвы рука!..”

А ненавистна эта образина

Для каждого мингрела и грузина.

И есть палач на гнусного изменника и вора,

Да нету в СНГ судьи и прокурора

Приговорить мерзавца к высшей мере

Или втолкнуть его за кованые двери

И, с верой в торжество эпохи кумачёвой,

Женить совместно с Ельциным на Алле Пугачёвой,

Чтоб схлопотал инфаркт политбюровский тот и этот боров!

Итог:

Пускай со сцен закукарекает Киркоров,

Поддёрнувши свои атласные, вонючие штаны,

У карты гадами разрушенной страны.

На великом индийском борце за независимость Индии штаны были тоже белыми, но не атласными, а хлопчатобумажными, простыми, как на индийцах-крестьянах, и он, великий индеец Неру, защищал бедных братьев по нации и стране. А этот белокальсонный атласный кукарекатель мешает нам, русским людям, дышать и жить: смрадом похоти и разложения он заполняет сцену и театр, дух гнили и базарного обмана струится от него в просторы порабощённой России...

Нина, жена Воротилова, - тощая и Тоня – здоровая и хулиганистая. Нину сопровождает бульдог – Аристотель, Тоню сопровождает – Спартак Еремеевич. А веселую Марью, жену Ивана Ермолаевича, иногда сопровождает шустрый Пушок. Нина и Марья дружат, но не на равных паях: жена начальника – жена начальника, а жена шофера – жена шофера: каждый сверчок знай свой шесток!.. А равенства и на кладбищах нет.

Но встретились, и Нина жалуется Марье: “Тонька, сексуальная стерва, набухалась водки и лифчик Микояну на морду повесила. А мой Спартак трусы на нее натянул. Приехала, глянула – срам!.. Хорошо – никого на усадьбе. Только Микоян у фонтана... Спартак-то, Марья, развратней Аристотеля. Капа, вильнув от Пушка, так и присасывается к Аристотелю, так и льнет. Разреши ей, сучке, она портрет бульдога, как Тонька портрет Еремеевича, на демонстрацию понесет!..”

Марья обиделась на Пушка: “Капа, потаскуха, подкараулит Пушка за сараем или за уборной, и к нему, к нему вертухайкой, попой, прижимается, а Пушок, дурак, и подскакивает на неё, осчастливленный!..”

–Все мужики такие балбесы! – буркнула Нина.

– Не все. Мой Ваня однолюбый! – возразила Марья.

– Однолюбый, пока по носу вертухайкой не задели. Мужик – свинья! - И Нина обернулась. А перед ними, рядом на газончике Капа терлась мохнатою вертухайкой об электрические ноздри бульдога, Аристотеля, воспламененного бесцеремонным сексом сучки. Пушок завистливо повизгивал, но не приближался, пощелкивая по сухим клыкам жадным языком.

–Лифчик на бошку Микояна повесить?.. Жуть! – жаловалась Нина. Выяснилось: комиссар по торговым делам Анастас Иванович Микоян сам отваял собственную фигуру и водрузил ее возле фонтана, в те рьяные времена занимая усадьбу, теперь унаследованную Воротиловым. И сказка продолжается. Каково Лохнессе пребывать среди людей и животных?..

Па–а–люби меня!..

Ермолаич тихо и с негодованием отшвыривал из памяти образ Спартака Еремеевича Воротилова: Ельцин он или не Ельцин, но надоел, но опостылел и развеялся из жизни и судьбы Ермолаича его начальник и собеседник – когда их машина реяла над равниной, взлетала на холм и пикировала в ложбины, позвякивая полураскрытым ветровым оконным стеклом. Не автомобиль, а закадычный кореш, второй Ермолаич и второй человек, уважающий скорость, прямопу и долю рабочую, ни перед кем не ломающий колен. Такому горько, но такому и радостно.

Потеряет человек себя – найдут его многие: бессловесного слугу скорёхонько из него слепят и вычеркнут из людского параграфа.

Болтают демократы, провокаторы,

Плохие, дескать, коммунисты губернаторы,

Как мы, обманывают и воруют,

И в банях с девками не реже озоруют.

Я не согласен, губернатор красный

Как раз для демократов и опасный,

Иная поведения модель:

Летает он в Париж – испробовать бордель,

И не у Ельцина в Барвихе строит дачу,

А в Уругвае, и ещё, впридачу, –

На Волге и Оке, где много угрей и нектару,

Назло мошеннику, трёхгубому Гайдару,

Что обобрал крестьян да и рабочих, аферист,

Наш – скромный интернационалист!..

И третий дом его в Крыму, в четыре этажа,

Не выше черномырдинского гаража.

В борьбе за счастье масс средь нас вожак возник,

Кристалльной чистоты, как Фёдоров, глазник!

Итог:

Жди ленинцев с утра, жди с вечера до вечера,

Жаль, нет страны – в Кремле им делать нечего.

Капа та еще старательница: нет на дачах солидного кобеля – Капа крутит вертухайкой Пушку, раззадоривая его, балду и насексуаливая, а покажись Аристотель, бульдог

Еремеича, Капа начинает выпендриваться и крутить вертухайкой, строя глазки бульдогу, чем недопустимо оскорбляет достоинство порядочного дворняги.

Да и не всем породистыми быть: кому-то и в дворнягах прозябать суждено, но потаскушке ли догадаться об истине? Нина, супруга Воротилова, честная женщина, вот и ненавидит она подлиз, бабочек, подпархивающих под администраторские животы чужих мужиков. Капу супруга Спартака Еремеевича однажды решила отравить. Сунула ей кусок пирога, приготовленного на тараканьем не пахнущем яде, а Капа, стерва, швырнула сурною и в сторону. Закочевряжилась.

Супруга Еремеича забыла про пирог с досады, а Воротилов как раз и настигстряпню, возвратившись домой с должности тяжкой. Настиг и съел, не подозревая, главную половину, замочив ее пивом и водкой. На следующий день, утром, супруга хватить – пирог исчез. Она – в спальню к мужу, всклокоченная. А муж, Спартак Еремеевич Воротилов, присядку на физзарядке выполняет, веселый:

- Нинок, а пирог-то вчера отличный у тебя получился, умница!

– Весь dokonчил? – тревожно осведомилась жена...

– Весь. Не оставлять же экую вкуснятину! – В кухне супруга Еремеича, убирая объемистое блюдо, на котором хранился начиненный ядом пирог, ойкнула: под кромкою блюда густо копошились очоуренные тараканы, основная их часть не шевелилась – мертвые. А Спартака Еремеевича спасла звезда удачи. Хаму и яд до фени!

Не от яда, а намного раньше, супруга уверена, Воротилов стал чего-то страшиться и взрывать на подушке. О Лохнесе Нине стал глупость пороть. Из газет и журналов снимки Лохнесе вырезает и секретарше, полагает Нина, увозит, дубина стоеросовая. После смерти Леонида Ильича Брежнева над всеми нами стихия висит...

Гарант надрался водки, ой, нарезался,

Аж не заметил сам, как вдруг обхезался,

Лежит и клянчит: “Помогите снять штаны!..”

А Коржаков ему, лакеи, мол, нужны.

Наина встряла, дескать, да, эстету здесь не место,

Сказала и зарделась вся, невеста и невеста.

Гарант обсох и после случая такого

Вобщем из армии уволил Коржакова.

Свердловский большевик, и умирая,

Не мог стерпеть идейного раздрая.

А за Москвой, в Барвихе, с перепойки

Неделю тёк вонючий запах перестройки.

Военные нюхнули экспозицию

И перешли в глухую оппозицию.

Униженные грубостью Верховного бизона,

В министры требуют Иосифа Кобзона,

И он, хотя и хорошо поеть,

Но этим сукам спуску не даёт.

Итог:

Казнители Дворца Советов знать должны –

С них тоже будет некому снимать штаны!..

Сукой стать – не обязательно в ширинке у Билла Клинтона копать, можно клятву нарушить, присягу верности, данную тобою Союзу Советских Социалистических Республик: нацелить танковые дула в бастующий кровный народ, обворованный кремлёвскими жуликами, и расстрелять народ вместе с Дворцом Советов.

“Огонь!..”

“Огонь!..”

Двадцать восемь БТР-ов насчитал я, окруживших восставших рабочих, израненных и безоружных. Кровавые цветы горели на мраморе белом!..

Лохнессе не дура, к Лаврентию Павловичу Берия чудовище и на метр не подруливало – кавказской национальности субъект. А к товарищу Сталину – и задумки в голове Лохнессе не заискрилось, годы и годы в Красном Кремле бессмертный грузин правил, ни морское, ни земное чудовище на соратника Владимира Ильича Ленина не посягнуло. Попробуй, посягни – в Тихом океане сети закинут, а на Колыме их вытянут – не улизнешь!..

И чудовище, трепеща, процитировало:

И врагу никогда не приснится,

Чтоб склонилась твоя голова,

Дорогая моя Столица,

Золотая моя Москва!

Для города Задорного Спартак Еремеевич – Иосиф Виссарионович Сталин, правда, в уменьшенном варианте, но Сталин: хотя товарищ Сталин никогда и грамма чужого не взял, копейки чужой не положил к себе в карман. Чудовище, конечно, слышало – в молодости Джугашвили банк грабанул, за народ, переживая, мучаясь нищетою народною, и партии деньги требовались на митинги и революции. Спартак же Еремеевич крадет зря, крадет и нечестными деньгами сорит, строительный маньяк!..

При Сталине разве дикторша забеременела бы от прибалта? И Арвитд Янович не захорохорился бы, не сунулся бы туда, куда партия не рекомендует!.. А умер товарищ Сталин – торгаши и воры нагрянули в райкомы, горкомы, рестораны, ЦК, на фабриках и на заводах норы себе понарыли – рухнет СССР, а Россия и сама развалится. Одинок Лохнесе.

Ударит ветер. Заворочается буря в океане. Волны, холодные и неумолимые, от берега до берега толкнутся. Ревущие гребни путь преградят Лохнесе. Одинок ей в океане тревог и непогоды.

Журавли курлыкали и рыдали. И едва ли не рыдал с ними Иван Ермолаевич: русский человек без сочувствия – архивист.

Соскучилось, натосковалось наше русское Лохнесе о Красном Кремле, надоели ему чужие воды и острова, страны, чужие и неясные. Ночью, когда Москва спит и охрана у Спасских ворот спит, наше Лохнесе тихохонько приблизилось, вынырнув из реки, слушает Куранты... А Лжелохнесе хамски нашей:

– Кто тебя в Кремль приглашал? Я тут хозяйка!

– Дай поглядеть на Кремль, Куранты послушать, надоела чужая сторона, страны чужие надоели, я, Лохнесе, патриотка!..

– И я, Лохнесе, патриотка. Если я не улучшу судьбу России, я заплыву в метрополитен имени Лазаря Моисеевича Кагановича и лягу на рельсы! – припугнуло Лжелохнесе бывшую хозяйку Красного Кремля.

– Не ложись! – взмолилось наше русское Лохнесе. И добавило:

– Ты ведь такая дурная и несуразная, через тебя и электропоезд не переедет, аварию сделаешь трагическую, жертвы будут! – Но Лжелохнесе продолжило, воняя алкоголем:

– Не лягу на рельсы? Ты шта-а-а?.. Разбегусь и с моста брошусь вниз головой, ежели не улучшу судьбу вверенного мне государства!

– И с моста, смотри, не прыгай и не бросайся вниз головой, твоя голова пустая, а взрыв произойдёт громче атомного, половина москвичей из окон, голыми, на тротуары повылетают, обескураженные!

– Может, Гайдара попросить, у него мозги жутко умные, и хлопок не такой гулкой получится, а? Али попросить Черномырдина? Как?

– От Гайдара еще больше распространится вони, но не алкогольной вони, а настоящей, и москвичей, сонных, ещё больше повылетит из окон! Попроси Черномырдина!.. Тебе проще знать – кто из них умнее!..

– Олрайт! – обрадовалось Лжелохнесе и повернулось башкой к ЦКБ. ЦКБ. ВКП/б/. КПСС. ЦК КПСС. ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС. РСФСР. СССР. СНГ.

На сцену выползла облезлая старуха,

А крутит кункюю – куда те молодуха.

Перестройке слава!

Героям перестройки слава, слава, слава!..

Десять лет я думаю: а что же всё это значит, –

Начальство жиреет над скопищами рабов,

А Россия полураспята то пьёт, то смеётся, то плачет,

А евреи заняты перетаскиванием гробов.

Царя с детьми расстреляли, теперь почётно хоронят,

Ленина омавзолеяли, теперь требуют унести,

А русский Иван разинул рот, дурачок, и воронит,

Лень ему, барину, с дерева саранчу отрясти!

Сванидзе и Новодворская – телевизионная погань,

Любой паразит обут нашим трудом и одет,

Даже Радзинский для русских –

как Николай Васильевич Гоголь,

Но кто он, выплюнутый гондоном, ликующий мухоед?

Вот и лежу я, с похмелья, щетину, обросши, не брею:

Далее некуда ехать нам, некуда плыть.

Итог:

Господи, помоги мне снова родиться, но только евреем,

Поскольку уже невозможно в России нам русскими быть!

Капа, хоть и подзадоривала Аристотеля и Пушка, но они-то не занимали должностей президентских и забот у них планетарных не было. А Моника капризнее Капы, сучки околоточной, – повисла на клавиш Биллу, поговорить ему по телефону не дала толком с конгрессменами, а речь-то они вели о войнах с Ираком и Югославией.

Миротворцы же. Вот и рассвирепел хозяин США, словно Моника чуток прикусила ему пипетку, клавиш, вдруг заорал Билл, вытаращась: “Бомбить!.. Взрывать!.. Жечь!.. Парализовать!..” Эх, Лохнесс, Лохнесс. Да и наш Лохнесс опупел, свихнувшись на гуманитарной помощи сербам и албанцам Косово: сам белужий бок грызет и мусульманский бешбармак заглатывает, а пострадавшим – гребешки куриные с ошипанной птицефабрики!.. Красно-коричневый олигарх.

Слух о кастрировании гуляющих руководителей предприятий и крупных начальников по бабам в России, я думаю, слух – психотропное оружие в руках у той части государственных мужей, которая ещё надеется жизнь, личность и мораль в России ввести в сносное русло: ведь далее терпеть эротическое сумасшествие в стране позорно и опасно. Тупик.

Жидовские мастера искусств русских дурочек вытаскивают на экран, дают им по десятке и заставляют их часа по четыре ставить себе под голые животы какие-то кирзовые прокладки, не пропускающие влагу на свободу, ставят и приседают, ставят и приседают, извиваясь телом, крелясь и подрагивая, как покойная ныне Капа, когда на ней упражняется Аристотель или Пушок. До сотни раз шалавы русские за шершавую десятку вертухают задницами по телевидению. Есть среди них юные, есть молодые, а есть и старые – обдёранные за уши сохатые лосихи...

Одна, смахивающая на Наину Иосифовну, облезлая уже, как цинковое ведро, заброшенная в огородную траву, вертухаила, вертухаила, и вдруг штанишки её вместе с бельишком с отошавшей задницы-то прямо в экран и слетели!.. Останкинский зал упал и начал кататься в хохоте, а те, кто случайно смутился – разбежались. Пенсионеры стыдить её окружили, а пропартийная часть зала подняла плакаты “Смерть сионизму!” и толпою двинулась по проспекту Мира, крича: “Ленин с нами!.. “Ленин с нами!”, “Прочь руки от народного достояния!..” Наревёшься.

Нина, верная супруга Спартака Еремеевича Воротилова, убеждена, что её ловко подменили на Наину Иосифовну и внедрили в сознание и память малограмотной массе у нас. В Америке подобная афера не увенчалась бы успехом, а у нас, в порабощённой России, всякая гадость расцветает. Нина доподлинно знает и тех, кто Еремеевича её подменил и отнес на кладбище, знает, но молчит: Колыма научила русских мечтателей сдержанности и взаимовыгодному неведению. Сплошные спасатели...

Русский увидит – чечены русского бьют, отвернётся и месяц один на один с самим собою радуется: повезло – ничего не заметил!

Странно. Исчез Спартак Еремеевич из города Задорного, а в Кремле появился Борис Николаевич Ельцин. Оба похожи, этот на того, а тот на этого, две капли воды менее похожи, чем два бугая, прораба и политика, в несчастной России, почти столетие уже увлекающейся революциями и народными вожаками, вождями, кормчими и прочими рулевыми капитанами.

Марья и Ермолаич – никто. А те – рулевые. И Тоня уже не секретарь Спартака Еремеевича Воротилова, а помощник по обороне Бориса Николаевича Ельцина. Похожа на Старовойтову, казачку еврейскую, развитую и цивилизованную, а помощник по обороне. И Ельцин Борис Николаевич похож на Воротилова Спартака Еремеевича, а президент Российской федерации, России, считай и не заикайся, голь несусветная, да слушайся державного хозяина и заруби: Лохнесс и Лохнессе – тоже в США изобретены, в цехах компьютерных чертежи и схемы приготовлены, а отливали данных чудовищ, кикимор чугунных, в Техасе, чешую же с них соскребали под Магнитогорском, тайно, за доллары, всовывая нахрапные зеленые бумажки в спецовки дурным стахановцам, проворонившим водоплавающих зверюг на героической земле металлургов, уральцев моих лопухих...

И Ельцин уралец, хотя Спартак Еремеевич Воротилов из Подмосковья, из городишка Задорного. А Ельцин – из Бутки, или – из будки, но из уральской: Будка будке – рознь, хотя будка Спартака Еремеевича Воротилова ни в чем не уступит будке Бориса Николаевича Ельцина, они оба – два бутуза, два крутых прораба железобетонных штуквин. Марья и Ермолаич в моменты смятений и всеобщей гражданской депрессии считают их дрессировщиками Лохнесса и Лохнесси. Америке-то чего: смонтировала и сунула их в океан уродовать людей русских. А наши русские холуи и рады услужать в кабинетах и на тронах. Лохнесси и распоясались...

Да, Моника с Биллом и с Хиллари одну подянку заварили: молву и азарт вздыбили, а теперь книги сочиняют про оральный секс и гонят на сберкнижки миллионы, дураков-то у нас и в мире – бездна: вот чем заканчиваются похождения неуловимых лохнессей. Грабеж и кровати.

Охранники говорят, докладывали генералу Коржакову, главному телоблюстителю Ельцина, что на месте, на зелёной траве, возле американского Белого Дома, где тянули виски Билл Клинтон и Борис Ельцин, очень много, когда президенты ушли, серебрилось и сверкало острой и тяжелой чешуи, рыбьей - не рыбьей, а чешуя, неоспоримо, с обеих Лохнессе, с чудовищ. О чём они беседовали, хищные рептилии, никому неизвестно.

Но Билл, после того, как покопалась у него в ширинке Моника, начал остервенело бомбить Ирак и сейчас истребляет сербов. Манекен. Лохнесс яристый. Мотоциклетные его буки вспыхивают и гаснут. Бомбы и ракеты мимо него, болвана чугунного, проносятся, испепеляя дома и больницы. И детей не щадит, шваль голубая, импотент мерзопакостный, разгневанный и обнаглевший: педераст XX столетия, сухой обсосанный Иуда Искариот...

И в России Лохнесс не лучше. Опьянённые кровавыми сражениями, чеченцы насильовали русских ангелоглазых мальчишек, сдирали с них, с живых, кожу и кричащий кровавый ротик затыкали им волосатым фаллосом. Лохнесс варьирует и продолжает Лохнесса. Антихристы, два антихриста, свинцом, штыком, гранатой, бомбой, ракетой, пороховым дымом и пожарной гарью захлёбывают арабов и европейцев. Рыло – в рыло, плавник – в плавник, чешуя – в чешую!.. Смертью веет от них. Веет моргом. Хамы.

Не Адольф Гитлер на трибуне, а Билл Клинтон. Не Билл Клинтон, сипя, приказывает убивать, а фюрер, президент США, недоносок, выхаркнутый из черного материнского чрева, сексуальный червяк, скорченный половым недугом, заразной вялостью подплатьевого сексота и карлика.

И наш – жабры растопырил: издыхает, изрезанный хирургическими дратвенными ножами. Палач и распутник. Торгаш и предатель кровавый.

Ни Хиллари, ни Моника, ни Наина, ни Татьяна не спасутся ни в народе, ни в бомбоубежище, ни в храме. Чудовищ настигнет чудовище – гроб квадратный: склеп вертухаистой Капы и сексуального Аристотеля!.. Лохнесс пожрёт Лохнесса. А Лохнессе задушит Лохнессе. Над ними, погаными и губорылыми, кара Бога мечом звенит, кованым и священным.

Ну, Клинтон, что?.. Везде – свои ухабы:

Тут надо выбирать – держава или бабы,

Однако же – считается за шик,

Когда рулит страной не алкоголик, а мужик!..

Жаль, но для нашей-то, стреляющей из танков жабы,

Какие бабы там, какие там державы?

Сидит в Карелии и квакчет на болоте,

А земли русские захапали враги.

О, мы при этом пьяном бегемоте

И сами подпадём под сделки и торги.

А от России, скажем, через год
Болото грязное останется и бегемот.
Итог:

Куда пойдём, да и кому поверим,

Столкнувшись тет–а–тет с похмельным африканским зверем?!

В Африке президент - надувал щеки, пузырился, форму военную обожал натягивать, китель, галифе, фуражку, чем не генерал или не маршал?.. И соотечественники его старались ему угодить: кто мог, шили себе ратную одежду и разгуливали по раскалённым от солнца тропическим тротуарам... Монарх в приподнятом настроении и страна на подъёме. И заехал к монарху отметить рюмочкой подъём германский посол, шницельный такой, яблочный такой, тортовый такой – монарх не выдержал аппетитной пытки: зажарил посла и съел.

А вот мадам Олбрайт раскатывается по Африке и не помнит, что безоборонного германского посла монарх сожрал, а неужели её свободолюбивые африканцы не могут слопать? Изнасиловать, она твёрдо знает, – не смогут, поздно, а слопать?.. Но и рядовые африканцы кого попало, не едят и не жарят на сковороде: разве густо залить Олбрайт чесночным соусом, но и тогда не каждая конголезская свинья откусает изысканного лохнесского блюда

Нина, жена Еремеича, сидела около усадебного фонтана одна и, печально глядя на мраморного Анастаса Ивановича, мыслила: "Крупные руководители и живут крупно – долго и в почете державном!" Нина часто слышит – будто и заболит крупный начальник, да не умрет: то – операция ему на почке, то – пересадка сердца трудяге, то – легкое ему вращивают ребёночное или от свиньи ...

Вздрагивая, Нина, как ей подробно рассказали, представила себе улицу в Москве, здание, в котором вырезают детские сердечки, селезеночки там и разные другие организмы, дабы вставить, вставить их пожилому начальнику, партийному демократу или же свободному реформатору на здоровье, словом, негодяю из негодяев. Детей воруют или добровольно продают для ремонта проходимцев. Эх, Лохнесе, Лохнесе!..

Нине жаль детишек, пусть не своих, но сильно жаль. И приветствует Нина, русская понятливая женщина, новый метод лечения крупных руководителей – пересадочку им свиных органов: печени, кишок и всего, что заболит у руководителя или политического деятеля. Нина даже хохотнула, вычитав – мол, части, запчасти, так сказать, великолепно адаптируются свиные в руководителе, но есть неувязка: отдельные дурные привычки пациент присваивает себе от свиньи, например, лезть, всюду напористо толкаться. Нина видела, как один очень крупный руководитель вместо “Здравствуйте, господа!”, распахнув, после операции, дверь в собственный кабинет, громко хрюкнул собравшимся его встретить!.. Но, опять же, мыслит женщина, скотам так и надо!..

Нина считает: заболел у Тони желчный пузырь – только от свиньи и подойдет ей, не у ребеночка же отбирать для нее, бульдожьей невесты?.. Да и Спартаку, заболел у него желудок, подойдет и, как по заказу подойдет, желудок от борова: пьет враз полторы бутылки, а заедает пирогом, начиная с правого угла и доканывает на левом. Нина не сомневается –Новодворская много здоровья взяла себе у хавроний. Ведь такой гуманный политик не согласится гробить детишек?

Имею ли я право, поэт русский, хаять Ленина и Сталина, Хрущева и Брежнева, Андропова и Черненко, Горбачёва и Ельцина? Нет, не имею. Я имею право – лишь слушать их, читать их, если даже не они написали, а за них написал кто-то, имею право подчиняться их чертежу и указанию – как мне положено жить, работать, спать с бабою, рожать, встречаться с друзьями и так далее, и так далее!..

Хрестоматийные фараоны: уложили – каждый, каждый уложил в своём поколении миллионы и миллионы русских парней, оставя их святые кости Венгрии и Румынии, Польше и Болгарии, Чехословакии и Югославии, Финляндии и Корее, Афганистану и Китаю, Египту и Конго, а Германии, а Германии, Господи, сохрани нас, неразумных и законопослушных, хотя законы – драконы: они выжгли огненными, лозунговыми и плакатными, языками Россию, выжгли и дораскидали русских по СНГ, а теперь и Алиев с Шеварднадзе в НАТО лезут, ну, через забор, ну, через ограду, а лезут, а за брючные их ремни ухватились прибалты и узбеки, молдаване и украинцы, эх, на кого же нам, русским, надеяться? На партию Ленина - Сталина? На КПРФ?

Мы – народ подопытный для Саланы и Олбрайт, для Клинтона и для Ельцина. Безграмотный и жестокий Лохнесс распоряжается нами. А Черномырдин – посредник. И Горбачёв – посредник. Посредники между нами, приготовленными к уничтожению, и между натовскими палачами. Наши доморощенные убийцы – наши посредники, предатели СССР, блатяги и грабители, банковские и министерские жулики.

Не плачь, поэт, о России – её оплакали великие пророки наши, не кручинься, поэт, о народе кровном, его истребили обожатели интернациональных побед!.. Ты, ты, русский поэт, кулик, чибис, ты, русский поэт, выпь, кричащая на кровавом болоте русском, развороченном и до краёв налитом кровью русской, которую никогда и никто не щадил, не жалел никто, из названных мною лидеров, действующих или уже опочивших, никто, ты прокляни их, поэт!..

Зачем появились на белый свет мы, русские? Европу и Азию дивить обжитыми пространствами, реками и озерами, морями и океанами, зачем? Поезд мчит и мчит тебя, стоеросового наследника непобедимых предков, мчит от Москвы до Владивостока, две недели тебя мчит. А ты, наследник, ты, строитель державы, давно её потерял, Россию потерял, ястребиную, орлиную, журавлиную, соловьиновую, ой, ой!..

Магнитогорский металлургический комбинат за ваучеры подарили рабочим и инженерам русским, а ваучеры оказались прахом, пылью могил, расположенных между двумя холмиками – пусто в натруженных ладонях рабочего и инженера, пусто. Но заехал на Урал – через Москву, центр, станцию негодяев интернациональных, заехал на Урал из Швеции плюгавый портной Абель Богуславович Вольф – и гигантский комбинат, дитя Ленинского комсомола и всей славной молодёжи СССР, очутился у него в бумажнике: доллар правит рабами, господами, избытками, дворцами и странами. Доллар рассёк Россию, доллар отшвырнул от неё республики, государства, доллар замутил пороховым дымом разум Кавказа...

Иваны Ермолаичи постарели. Немцев, зарытых в землю русскую, соотечественники к себе вернули, вернули их, пропёршихся до Волги, мёртвых, истлевших, скелетночерепных, а мы, русские, продолжаем терять и терять Россию. Рейхстаг засверкал обновлением и реабилитационными цветами и лозунгами, а мы, русские, древний скелетный мост, мы, русские, древние останки царя переносим и переносим, уточняем и уточняем: он ли, царь ли, не жулик ли, не ваучер ли и здесь вмешался в судьбу России? А мост – новый-то уже не в силах построить, вот и переносим, как

перевезли из США чучело Колумба и водрузили над рекою столицы вместо императора Петра, оставившего нам Россию, необъятной и слаженной армиями с четырех сторон заслонённой, ну, кто же мы?!

Прости нас, царь наш гордый. Простите нас, братья и сестры. Бог мудрый, прости нас. Мы отдышимся. Мы отрезвеем. Мы изучим обманы. Мы нарожаем детей, воинов русоволосых, они и спасут Россию.

Лохнессе, □ Ельцин, □ Алла Пугачёва, □ Клинтон

Часть пятая

А Моня сильно Клинтона взбесила,

За клавишин, зажмурясь, укусила...

Далеко звенит на Урале моя пескариная речушка Ивашла, шла ива, значит, имя-то, какое

редкостно-плакучее. Да и разве не заплачешь, если твоя Россия иконоглазая – под расстрелом натовских томагавков и бомбовозов? Вы, пожирающие наш пшеничный каравай, вы, глотающие икру осетров наших, вы, прихорашивающие мундиры на собственных плечах из нашего хлопка, вы, монтирующие космодромы из нашего дешёвого, но вечного металла, вы, украшающие запястья капиталистических проституток нашими алмазами и золотом нашим, вы неторопливы: спокойно науки зубрите, спокойно поезда ведёте.

А куда вам торопиться? Нашим умом и братством нашим, кровью нашей вы разбогатели, стравливая нас в расправах, битвах, соревнованиях, вы – неисправимые обжоры, вы – неменяемые выблядки всех морских и океанских Лохнессе, за вами – трава падает, деревья задыхаются, холмы скифские горят, за вами – кровавая пурга, за вами – прах погибели, но над вами, над вами, идола смерти и позора, над вами – ладонь России моей, матери моей, Богородицы моей русской, и вам не увернуться, вам не улизнуть, вам не сбежать от русского суда праведного!.. Вы – рабы негодяйства, шакалы прерий, вы – щёлкающие затворы холодных железных автоматов.

Муссолини был достойнее Билла Клинтона: он женщину так любил, она его так любила, и в смерть сопровождала его, с ним ушла в смерть, фашистом и мерзавцем, но с кем же Билла равнять? Клинтон – единственный: Моника сунулась – два года Америка не разрешала им бельё постирать, два года!.. Привет гордой Хиллари, леди Америки, первой мадам кровавого сионистского ада. Клинтон – безбожник и мародёр. Он расстегнул ширинку в Белом Доме и долго вынашивал планы религиозного сражения: он жгёт, душит, взрывает, морит безводьем и болезнями православных сербов, он, конь, ржет с балкона Белого Дома, захмелев от юной крови жертв, он не сумел остыть и умериться от неудачи. Ширинку расстегнул – а квелый и скучный, как чехол с винтовочного ствола. Взбешённый импотент!..

Цековские и политбюровские коммунисты от коммунистов, мартеновцев и колхозников, шибко отличаются: костюмы на первых сшиты в уникальных ателье и из английской шерсти, с овцы, которую не повторить и не клонировать, а работающие коммунисты – с плакатами “Слава КПСС!” и “Спасибо партии!”, в курточках, натянутых на плечи, подсухшие и жилистоватые: пыль, руда и огонь не красят лица.

Но цёковским и политбюровским коммунистам и впредь решать нашу судьбу и судьбу России, решили же они судьбу СССР... Ещё как!

Политбюровцы съехались в Стамбуле,

На Каспий рот разинули и скулы понадули.

Грузинский Эдик, хитрован и педик,

Чекист марксистский, агроном и медик,

Кричит: “Нам не нужны российские рубли,

Мы нефть за доллары к Нью-Йорку провели!”

А Назарбай, цековский бай, казах,

Стал газ глотать у турок на глазах.

Алиев же налил бензин и сгоряча

Тост предложил за Леонида Ильича,

Но вовремя опомнился: Туркмен-Баши

Из Ашхабада слал им всем шиши.

В Кремле на троне харя пьяная качалась,

Отнять пыталась СНГ, да вот не получалось.

Торчали доллары из каждого кармана,

Гайдарик полз по галстуку гурмана...

Итог:

Как дальше жить – и транспорт отменяют:

Жида Чубайса по Москве гоняют!

Жида – не еврей и не русский, но и до них добрались, ведь они, большинство их, века процветали в России за счёт евреев, русских, татар и эвенков бессловесных, в снегах купающихся...

Капа, хотя и сучка, но женщина, хотя и собака, но человек, и допустить ошибку нечаянно и ей случилось... Встретила она на дачном тротуаре Аристотеля и давай вертухать, давай вертухать перед ним, перед аристократом, вилять и скалить зубы, дура стоеросовая, давай жаться к нему, кобелю пустомозглому, а он давай подталкивать её,

давай грудью опускаться на неё, взволнованную и желающую весенних наслаждений...

И, поуркивая, подрагивая телами, подстанывая вкусно колотящимися сердчишками, они и выдвинулись к зубчатой колее. Выдвинулись, упружась, а тут – машина, ихтиозавр, с квадратным гробом, пастью неимоверною и ужасающей. Челюсти размежевались – хап, даже не успели взвизгнуть ни Капа, ни Аристотель, оказавшись во мгле, трагической и поглощающей увлечённых ласкою любовников. Бардак на Руси всегда бедою оборачивается, как ты ни выкрутась, как ты ни старайся перехитрить беззаконие.

Пушок, не доскочив до пропавших во мгле, метнулся в сторону, завыл и упал прямо в грязную канаву колеи, но уже позади квадратного гроба, чудовища многотонного. Внезапная гибель и этих его друзей, особенно Капы, пусть даже и неверной, пусть даже и зубоскалившей, пусть даже и противной иногда, но привычной, родной, понятной и безгрешно шалавой, подкосила здоровье Пушка. Он осунулся. Перестал принимать пищу, погрузился и быстро догадался: он – старый и никому, кроме Капы, не нужен, никому. А вот если бы Аристотеля заглохило чудовище, а Капу оставило, тогда Пушок бы воспрянул. Но справедливости на земле нет и не будет.

Пушок перестал узнавать и Ермолаича. А на оклики Марьи и реагировать разучился. Шерсть на нём слепилась, кольцами тёмными завилась, и глаза Пушка потускнели. Слух укоротился. Обоняние затупилось. Ночью не встрепенётся, не забрешет. А днём провожает шаги Марьи и скулит. Скулит и скулит – прощается, значит. И – пропал. Ермолаич и Марья обыскали квартал. Нет. Проверили обрезки газовых труб. Нет. Заглянули под мосты и мостики. Нет. Простился и пропал. В лесу ли умер или ночная непогода засумятила скромного кобелька, и заваяла, кто скажет?..

Марью, жену Ермолаича, и на пьяной козе не объедешь: она смолоду еще трудилась на оборонной овцеферме, где клонировали овец и баранов, намереваясь, в случае мировой третьей войны, через Австралию послать овечье стадо кораблями на Европу и Америку, да, овечье, начиненное нейтронными взрывными снарядами под шерстью, от которых кирпичи из вашингтонских небоскребов будут улетать до луны.

Но перестроечный Горбачев рассекретил овцеферму и ключи от нее Раиса Максимовна подарила супруге Рейгана. Марья считает: Горбачев и Раиса – оба клонированные животные и Спартак Еремеевич – клонированное существо, бабник собачий, а Ельцин – вообще искусственно разведенный зверь с откусанными пальцами на левой руке... И у

Спартак Еремеевича на левой руке пальцы откусаны, ну, какой он и какой же Ельцин солдаты? Подделанные под участников сражений жулики.

Марья уверена: лишь наше Лохнессе – не клонированное, а истинное правдолюбивое млекопитающее, остальные Лохнессе – морские хищники, вскормленные захватнической идеологией США, натовские громилы. Марья застала однажды в цековском бассейне под Москвою купающихся дам, гостящих в СССР: Тетчер, Олбрайт, а с ними – Райка и Наина, сошлись ведь, хоть и в разных краях, и на разных континентах обитали, теперь Марья вспоминает – как резинки на рейтузиках им поправлял и натягивал Эдуард Шеварднадзе, а Миша Горбачев речи запузыривал, Ельцин пил, вот и виляли, как сучка перед бульдогом, виляли перед Шеварднадзе дамы влажными попдынями, особенно – Олбрайт, девушку тогда казалась...

Марья раскорячилась и на них: “Ф–фу–у!” И купальщицы в сию секунду очутились Лохнессами: нырь в бассейн, а из бассейна в реку, из реки в море, из моря в океан и привет!.. Марья обстоятельно рассказала тайну мужу Ермолаичу, и Ермолаич обязал ее замолчать, мол, кремлевские сучки и не такие номера выкидывали, а тут, подумаешь, за трусы их дергал Шеварднадзе!.. Грузин бабу не упустит, свою и чужую.

Ермолаич не Еремееич. Ермолаич доподлинный, не клонированный человек и не кремлевский Лохнесс, превращающийся в моменты надобности в хитрую Лохнессу, выплевывая из кабинетов то хомяковатого Гайдара, то меднорожего Чубайса, то администрированного Коха, то виляющих влажными попдынями Немцова и Бурбулиса, спасибо генералу Макашову – перетряс он вонючую моль на министерских матрацах!..

Ермолаич не сомневается: “Марья уравнивала дачу Спартак Еремеевича с дачей цековской, на даче Еремееича заграничные суки обоюдно с нашими сверкали перед Шеварднадзе рейтузиками зазывающими. Ай, да Ельцин клонирован по секретной программе с баранами и овечками, тот Борис Николаевич, уралец, заперт в Аризоне, и Еремееич клонирован, а Спартак Еремееич забран в Кремль, подозрительно смахивает на Бориса Николаевича и водку хлещет – коллеги зубами цакают. Верблюду.

Моника же, лифчик не повесила на статую Микояна или какого иного вождя, не повесила, а избрызгала каплями Клинтона: ясно - клонировать Билла решила, сучка контрразведская, на Израиль спроецировала президента США, барана высокоинтеллектуального. А начни Моника клонировать – вылупится мальчик

чистенький, не шелудивый, засади его в клетку, и вся Америка в очередь хлынет глазеть на пупыря!.. Баб глупых нет. Не решится же Моника меня, шофера, клонировать? Хотя я и проработал десятки лет без аварии, не решится!..”

Пригорюнился Ермолаич. И вновь зазвучал в его сердце Есенин:

Вечером синим, вечером лунным

Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо

Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...

Синее счастье! Лунные ночи!

Ермолаич не меланхолик, не пессимист недотыканный, а патриот и убежденный пролетарий, солдат седой, и его, труженика и воина, ни Черт, ни Дьявол, ни Спартак Еремеич, ни Борис Николаевич, ни Лохнесе не объегорит. Русский человек внешне – лопух, а внутри – Сократ!..

Капу набаловал Аристотель, пёс аристократический, она его и довертела, довертухаила: оба погибли. Но, искренне признаваясь, у Капы начались заскоки. Сядет на солнышке и зажмурится. А зажмурится – задремлет. Задремлет, да вдруг ни с того и ни с сего мотнёт башкою, взбрыкнется, словно её в живот укололи вязальной спицей, бодается хारेю в харю быку али корове и с хрипом, с улюлюком – лаять и приседать, как дикторша Арина Шарапова на экране. Но дикторшу в Америке несколько месяцев имиджу обучали, а Капа, не имея спонсора, – самоучка...

Марье и Ермолаичу сдаётся в минуты философских открытий и обобщений, что моторное чудовище с квадратной гробовой башкою – Лохнессе, и все три Лохнессе, и все четыре Лохнессе, американские, наши ли, – единое Лохнессе, засланное будоражить животный мир в России, людей русских сокрушать психологически, даже членов партии, как, допустим, Спартак Еремеевич, брать на испуг и подчинять их, зомбированных кроликов, компьютерной беспощадной логике капитализма. КПСС гнут.

С Марьи взятки гладки: и во сне, продолжительном и одиноком, Марья и в помыслах ни разу не изменила Ивану Ермолаевичу. Дачу не записала себе чужую. Жердей чужих из забора забытого не выдёргивала на лучину или на прясло. А Иван Ермолаич – чист, как солдат перед старшиною, и перед Марьей, и перед Родиною. Кроме Марьиных сисек, данных ему законом в обиход, кроме баранки, ложки и хлеба, он, советский честный шофёр, ничего в руках и не держал, не согревал работающими ладонями, не цапал, не хватал у государства и у народа: пролетарий – есть пролетарий!..

Лохнессе хитрит. Припугнёт Спартака Еремеевича, за правду вроде она борется – и в океан. А глупый народ басни и легенды о ней, о Лохнессе, разносит по белу свету, мол, справедливая, мол, наша, советская, а шарахнет Лохнесс или Лохнессе, чёрт её подери или его чёрт подери, шарахнет по нам, народу русскому и нищему, мы вопить, мол, он, Лохнесс, капиталистический, сволочной, а Лохнесс – единый, Лохнессе, он или она, одно. США и похлеще пакость изобретали, может быть, и Арина Шарапова с Капой – компьютерные сексуальные паскудницы?!

Лохнесс не согласен, нет, Лохнесс не будет кастрировать Лохнесса, не будет!.. Билл Клинтон мог и от рождения случиться импотентом или малоустойчивым на матрасе с двуногою кокетливою Капою. Не сумел же Билл удовлетворить с поэтической лихвою Монику. Симпатичная еврейка надулась и книжку про него и про себя написала. Ездит и торгует, ездит и торгует по Европе и по Азии. Уже – мультимиллиардерша, а он? И он не

прогорел. Тоже с Хиллари навалили роман – несколько десятков серий. Книги их, Моники и Билла с Хиллари, мутными помоями текут по цивилизованным народам, текут и наших русских олухов и шалав тонко организовывают в длинные скандальные очереди, как при советской власти – в очереди за водкой или за колбасою!.. Экая в нас энергия.

Ради истины скажу: очередь, в две и три колонны, в основном – из дур, вертухающих задницами на экране, и – партийных ортодоксов, не принимающих западный образ существования в России. Но покупают вертухайки и ортодоксы не по экзemplяру, а несколько – дарят родственникам, близким, знакомым, словом, ведут антиимпериалистическую пропаганду, партийцы, а русские эротические шалавы – дарят подругам, друзьям, стремящимся прорваться на жидовский экран и повертухать на миллионы зрителей задницами: работы нет – оборонка на боку лежит!..

Я вот хихикал над толстым писателем, корешом Спартака Еремеевича Воротилова, а он при Борисе Николаевиче Ельцине возглавил в Кремле комиссию по отменам смертного приговора преступникам пригвождённым. Защищал демократию. И так ежевечерне за ужином смеялся над вертухайками экранными, так хватался за брюхо, наблюдая их конкурирующие задницы, восторгаясь ими и свободой бесцензурною, так гоготал, балбес, аж кусок говяжины заткнул в рот, да не в ту сторону: пискнул, сгорбился, выпал из кресла и подавился. Привезли траурную домовину, оркестр зарыдал – закрыли и отнесли. А на его место нашли типичного толстяка, шустрого, оптимистичного, верткого в определениях решений и лысого, и русского, русского, как Жванецкий!.. Останкинский жид.

Воинственную Олбрайт зовут Магдалиной, но какая же она мать, какая же она Магдалина?! Маленькую её спасли сербы и приютили, выйдив молоком и мёдом, сладёну, а теперь она научилась обожать пожар бомбежный, дым кровавый и слезы югославов. Мать Магдалина. Нет, не мать и не Магдалина, а сионистская Лохнессе, чудовище толстогубое, проклятая черепаха под чугунным панцирем, соучастница распятия сербов на кресте православном, кресте Иисуса Христа...

Правую руку вытянул и прижал ее к деревянной планке, повернув ладонью, прижал Билл Клинтон, рыжий американский фашист, фюрер США, бандит и магнат, банкир и юрист, палач и насильник, а левую руку сербов, потянув на себя, прижал к деревянной планке креста, повернув ладонью, Борис Ельцин, алкаш и врун, инвалид с будильниковым сердцем, вшитым в грудь негодя дратвою и лавсановыми нитями.

Держат сербский народ на кресте казнители, держат и заливаются смехом, не человеческим, а дьявольским, воем заливаются подлым. А Мадлен Олбрайт, усатая и горбоспинная, гвоздь вколачивает в солнечное сплетение сербскому народу. Обезьяньи лапы ее трясутся, но молоток не выпускает из когтей, стерва, косоёбистая и вонючая!..

Многие сербы видели ее, Олбрайт, в Дунае, когда взрывы суши и воды, взвихренные и поднятые над землю томагавки, сжигали на лицах людей кожу, испепеляли зрачки новорожденным, спрятанным испуганными юными женщинами в каменные укрытия и каменные подвалы. Мадлен мелькала, ворочалась в красном урагане, ударяла по крышам зданий чугунными ластами и седая, как мартышка, вытащенная за хвост из мучного ларя, пырнула и царапалась: "Бомбить, бомбить, бомбить!"

У ног сербского народа, истекающего кровью на кресте Христа, иудейская блудница Моника, начинающая Лохнессе... Но Олбрайт, уродица и кровавожижая Лохнессе или Лохнесса, или Лохнессиха, Олбрайт, подлежит вечному проклятию триедино: проклят Билл Клинтон, проклят Борис Ельцин, проклята Мадлен Олбрайт!.. Тетка А.Н. Яковлева...

Известно, что Сорокина – лиса,

А пялит, бестия, на реформаторов глаза:

Явлинского почмокает, Гайдара пососёт,

Авось коту и мужу лишний доллар принесёт

Иль куру жареную украдёт с останкинского бала,

Теперь мурлом похожа на генсека Цэдэнбала,

А в девяносто первом—то, вы помните, визжала:

“Бей, бей красно-коричневых!..”

И не язык, а жало

В экране грязном извивалось, голо,

А вот не забеременела, даже от монгола:

Сверлит, как старая сова, зрачками темноту

И сочиняет сказочку коту.

Неужто этот знаменитый котик

Домашний Чикатило и эротик?

О, если так, моя однофамилица —

Себя и многих мужиков кормилица!..

Итог:

И, слава Богу, дикторшина рожа

На самого Сванидзе не похожа.

Космические пришельцы. Лохнессе. Чикатило. Бунич. Клинтон. Ельцин. Чубайс. Жванецкий. Киссенджер. Иван Драч. Дмитро Павлычко. Славянские поэты Украины - Драч и Павлычко, и–и–х, как семенили они, встречая Киссенджера из США на аэропортовском бетоне Киева: СССР делить и распродавать намылились, верховнорадовцы и лауреаты Госпремий великой державы!.. Чем они, кастраты, не прорабы?..

Я видел – по Каспийскому морю, вытирая носком нефть с рыла, плыла Олбрайт, Лохнессе, а за ней – Сорокина, Миткова и Шарапова, шлепая ластами–сандалиями, но, уже не вытирая морды: грязнее их экранных морд не встретишь нефтеморды. Черное золото земли их облагораживало и вдаль приглашало, чешуистых...

ИЗВЕСТНЫЙ РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ВИКТОР АСТАФЬЕВ СЧИТАЕТ, ЧТО РАЗВЯЗАННАЯ НАТО ВОЙНА НА БАЛКАНАХ НАПРАВЛЕНА НЕ ТОЛЬКО ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ, НО И ПРОТИВ РОССИИ

Красноярск, 21 апреля. /Корр. РИА “Новости” Борис Иванов/.

Известный российский писатель Виктор Астафьев считает, что развязанная НАТО война на Балканах направлена не только против Югославии, но и против России. Об этом он заявил в эксклюзивном интервью РИА “Новости”. По мнению писателя “всё делается с дальним закидом”, чтобы Россия обязательно ввязалась в этот локальный конфликт, что и приведёт её к окончательному краху.

“Не понимая того,— заметил Виктор Астафьев,— что мы сейчас, как никогда прежде, ослаблены экономически, физически и духовно, некоторые наши “защитники Отечества”, не найдя себе лучшего применения, уже рвутся на войну. Мы её просто не выдержим, в результате не будет ни народа, как такового, ни России.”

Писатель считает, что наше любое военное участие в балканском конфликте не только породит новый этап “холодной войны”, как это уже было во второй половине 40 –х годов, но и заставит нас “сжечь последние остатки своего сырья и своего народа, который и без того выкашивает туберкулёз”. Если в результате и этой бессмысленной бойни человечество не поумнеет, с горечью подчеркнул писатель, “войны будут продолжены и в новом столетии”.

Есть “человечество”, есть “новое столетие”, есть “защитники Отечества”, но не очень умные, во всяком случае – с Виктором Петровичем Астафьевым, имеющим в академгородке респектабельную квартиру, а в Овсянках, райцентре, – замечательный дом, им, быдлу, сравниваться глупо: вот и не найдут себе “лучшего применения”...

Петрович, как мой Ермолаич, на фронтах и в атаках побывал, с фашистами дрался, но мой Ермолаич проще: правителей продажных виноватит, а Петрович – лебезит перед ними!.. Лохнесей трусит.

Вот что пишет 27 апреля 1999 года в газету “Советская Россия” редактору В. Чикину американский Борис Файнберг:

“Привет всем русским свиньям!”

А далее:

“Теперь учтите, что наши руки длинные, и достанут самых ретивых генералов даже в вашей грязной России”.

И далее:

“Мы вам объявляем войну. Пусть трепещут все русские сволочи от Зюганова до Примакова, от Иванова до Баркашова. Вообще Иван–дурак, думай, чтобы сберечь себя.

Россия уже давно сидит в дерьме по уши. Смотрите, как бы не утонуть в нем”.

И далее:

“Призываю лётчиков НАТО продолжать бомбить сербских подонков”.

И далее:

“Смерть сербским подонкам. Смерть русским национал–патриотам. Сербия и Россия должны быть разбомблены. Сегодня Белград – завтра Москва”.

Я переписал шизофренические “афоризмы” Файнберга, сохранив его орфографию и пунктуацию. Перечитал и подумал: “А ведь этот Файнберг – наш рядовой Файнберг или бывший член политбюро ЦК КПСС, как, допустим, Гейдар Алиев с Эдуардом Шеварднадзе, как, допустим, бывшие ретивые советские руководители Каримов, Кучма, Лучинский и т. д., а о прибалтийских вожаках и сказать нечего,– натовцы, файнберги, лакеи, мило бодающие двери НАТО узенькими лбами, предатели стран и народов, нарушители обязательств и договоров, ефрейторы НАТО...”

Так чего же мы, русские, дожидаемся, терпя над собою разбухшего кремлевского натовца, ненавидящего нас, людей русских, боевика, взорвавшего СССР и разбазарившего Россию?! У нас – пространства, завещанные нам предками, и – нет друзей! Но с нами Иисус Христос.

Задумался Иван Ермолаич о Лохнессе – и смачно сплюнул за изгородь садиковую. Марью, молодую, вспомнил: красавица, тяжелоплётная косища ее золотилась и у бедер покачивалась. То ли – коса покачивалась, золотом налитая, то ли – Марья покачивала ею же крупно, луково уложенные пряди волос вот в такую косищу, нет, не Марья, а Марью коса покачивала и всё норовила к Ивану, к Ване поплотнее и погорячее примкнуть – целовались, оба молодые и обветренные, в травы хмельно валясь и постанывая... И вновь – целовались, целовались, целовались!..

Титьки у Марьи – юные дыни золотые: ладонь прикоснёшь к ним –веют степью раздольною, а губы у Марьи – свои из них долго забирать Ивану не хочется, да и Марья, прижавшись к нему, не торопит: пей молодость и красоту её, сколько душа захочет!..

Теперь Ермолаич и Марья – израсходованные войнами и разрухами, указами и налогами, нищетой и безнадежностью люди, рабы “ножек” Буша и кока-колы. И потому – страшные сны донимают Ермолаича, солдата старого. Пирамиды, пирамиды черные снятся. Высокие, каменные, треугольные, а за ними – песок и песок, песок и песок, раскалённый, скрипит и сеется, скрипит и сеется: от Нила аж до Волги!

И вроде Ермолаич – фараон. Мумия. Туристы русские над ним наклоняются, а он и ногою задвигаться не может, слушая вздор:

– Триста жён у идиота в шатрах парились!..

– До Марьи, поди, и очередь-то не доходила, когда?..

– Воевал, воевал, и залёг под памятником погибшей цивилизации!..

У, эта цивилизация!.. Вскочил Ермолаич и пнуть их разом собрался, но глядь, а перед его носом – Мадлен Олбрайт: – Я на тебя, сивый мерин, бомбёжки обрушу, пшёл вон! – И Мадлен изобразила воздушный поцелуй. Ермолаич очнулся – Марья на месте. Изгородь. Садик. Дощатая их будочка. Лучок перышками-сабельками посверкивает на грядочке, ай, прелесть неизбытная! И лишь в тумане Ермолаич заметил – гадючий хвост, рыбий, лохнессовый, черканулся загогулиною, мол, привет, фараону!..

Сны – вещее предупреждение: не среагируешь – жалеть будешь, да поздно. Но Ермолаич и не успел среагировать, дрёма связала его движения, а Марья их согрела живыми усердиями и Ермолаич провалился в следующий редкостный эпизод...

На четвереньках, значит, за изгородью пристроилась Медлен, упёрлась ступнями, без носков и сандалий, в ствол ольхи, а ладонями, навозными, уперлась в шершавую жердь. Держится, поколышиваясь и чуть ссутуливаясь. А Пушок – над нею, над нею: ушами пошевеливает и она ушами пошевеливает. Он покорчивается – она покорчивается. Он мордою кивает, кивает, быстрее, быстрее – и она, Мадлен Олбрайт, мордою кивает, кивает, быстрее и быстрее, а Пушок ей человеческим голосом:

– За сербов и за албанцев тебе, стерва! – А Марья с нейтральной полосы наблюдает за вертепом собачьим, а те мордами кивают, кивают.

За другой изгородью, тоже упершись босыми ступнями в ствол ольхи и навозными ладонями в шершавую жердь, корчится, оборачиваясь наглой мордою, сопит и подвывает Билл Клинтон и собачьей мордою целует в собачью морду Аристотеля. Хамы и паскудники бессмертны!.. Билл спиной перегнулся, а над ним Аристотель как зати–кити–кает, как зати–кити–кает и затрясся, затрясся, но и Клинтон затрясся, затрясся, громче и счастливее подвывая, бабий угодник и казнитель безоружных.

– За сербов и за албанцев тебе, стерва! – нажал на него Аристотель и, выпрямившись, поясницею оттолкнул брезгливо президента США.

“К чему бы это?” – вяло забеспокоился возле Марьи Иван Ермолаич, а Марья, жена его добрая и конституционная, потянулась, зевнула даже, и беззаботно удивила Ивана Ермолаича:

– Опять сон?..

– Опять...

– А признайся, Ваня, законный муженёк мой, кому ты аплодировал, друзьям чё ли, крича: “Молодцы, так их, так их, так их мать, дерите и передышки блядям заморским не давайте!..” Псы и постарались.

Спартак Еремеевич Воротиллов – фигура неординарная и весьма даровитая: в одну и ту же минуту он может перевоплотиться, переконструироваться, перевернуться, предстать, отстать и снова стать, заняв или позаимствовав чужой облик, чужой ум, чужую статью...

Многие считали его фронтовиком, а он и винтовки в руках не держал. Многие считали его руководителем стройтреста, а он в Кремле уселся и замечательно себя чувствует. И окружение – по нему. Когда он на даче легохонько, как пробку от шампанского, покручивал голый пуп Антонины, Тони, любовницы, то Антонина почему-то сильно в данный миг походила на дикторшу Светлану Сорокину, хотя дикторша и напоминала явно собою Батмунха Цэдэнбала, Председателя Великого Народного Хурала Монголии, а когда он, перевоплотясь в Ельцина, поливал, расстегнув ширинку, авиашасси, Светлана прекращала харкаться в красно-коричневых с экрана и принимала образ и аварийную позу Наины Иосифовны, хватая Бориса Николаевича за карманы брюк – умоляла не срамить.

Но стоило Борису Николаевичу обернуться Леонидом Ильичём Брежневым – Наина превращалась в Викторию Голдберг, супругу и боевого товарища генсека... Ну, кухонные пудели, шавки сперматозудные, нигде нам от них нет покоя и равновесия. Конечно, Спартак Еремеевич Воротиллов не покручивал голый пупок дикторше Светлане Сорокиной: она не из развратных особ, она работает на телестудии, накапливая в организме политическую энергию и дамский задор. Борис-то Николаич давно помер.

Ельцин же скрежещал челюстями, раздаривая по сторонам то Чечню, то Крым, то острова на Амуре, а, накачавшись хмельно, как на четвереньках Мадлен Олбрайт или Билл Клинтон, заваливался боком в кровать и принимался храпеть и ахинеить, холодея, с чего Виктория, читай, Наина Иосифовна, вздрагивала и, путая аспирин со слабительными, в рот Лохнессе совала спрессованные таблетки. Чудовище поддевало их на мокрый толстый язык и с костяным хрустом высыпало в желудок. Наина поглаживала по ласте Лохнессе и сиротливо подвсхлипывала. Умора.

Куда мы идем? Если магазины и школы, заводы и вузы, театры и лаборатории захватили жулики, ну, олигархи, и ежели завтра они скупят за бесценок землю или перепродадут её корыстным заморцам, мы – проданные крепостные, мы – никто. Как говаривала моя соседка, поэтесса Нонна Самуиловна Петрова: “Ми посадили вас в мишок и теперь завязать лишь осталось!..” Мы, точно она определила, в мешке. Но кто нас, кто Ивана Ермолаича и Марью завяжет: Ельцин, Степашин, Лужков, кто?

Наша работа, дело, совершенное поколениями, – вздор: даже пенсию работягам заменили на дозу выживания, почти нет разницы – ветеран ты или спившийся бомж. Выкатывайся из-под ворот и на асфальте подыхай, без жалоб и промедлений покидай территорию новых русских!..

А творчество? Когда, в какой стране, в какие времена святая тоска по истине, вдохновение и очарование, молитва и надежда так обесценивались и уничтожались, презираемы в обществе: ты творец – ты нищий.

У Фёдора Достоевского бесы – терпимые люди, если, да, да, если сравнить их с кремлевскими дармоедами: у кремлевских – морды поганее, когти острее, хвосты пыльнее, россобахи колымские!

Бессмертный Христос мой,

Гляди, я на коленях стою перед тобою, прося тебя:

“Умой материнский лик России водою живою,

Вдохни в потухшие очи её свет непресекаемый,

Вложи в мудрые уста её слово огненно-громовое,

А в руки – меч обоюзаточенный,

Пусть крикнет, пусть соберет она народы свои

И с площадей, с полей кровных и с небес твоих

Грянет на растлителей детства безгрешного,

На убийц любви и материнства русского –

За верность и долю русскую!

Иисус Христос мой, защитник неукротимый, болью и думами наградивший меня, помоги мне, поэту русскому, пророк наш и Спаситель!

В Москве Лужков, жида, Олбрайт, Лохнессе,

Кто говорит, что нет свободы в прессе?..

При Сталине Иосифе Виссарионовиче Ермолаич воевал и воевал, а при Никитке помогал колхозам кукурузой землю увечить, шоферил по осени в спецбригадах, при Брежневе возил Спартака Еремеевича к соцгероям совхозным на банкеты, теперь Ермолаич наблюдает, вспоминая.

Вон Капа вертухаила, вертухаила, сучка, и Аристотель вскочил ей на спину. А Пушок на сурну, довертухаилась, проститутка дачная.

Ее вместе с кобелями в экран показали, и какой-то телебейтаровец картаво экскурсоводил: “Анальный и агальный секс!.. Анальный и агальный секс!..” Капу сменила Моника с Биллом Клинтонем: тоже вертухайкою кочевряжится, а президент тянется щекотнуть студентку, а телебейтаровец задыхается, поясняя: “Пгокугог США возбуждается и уголовное дело на Билла офогмляет, уга–а!..” Эр не выговаривает, шпана.

Ермолаич все знает и слышит. Вон дочка, незаконнорожденная от Еремеича и Тони, в ФРГ замок старинный укупила... Залезла в бассейн, а лифчик не на кого натянуть: возле бассейна башки Микояна нет. Анастас Иванович вдосталь проторговался сокровищами русского народа, музейными и хранилищными, мраморный экзекут!.. Конфискатор активный.

И Анатолий Борисыч Чубайс электричеством в России занят: включит лампочки Ильича – доллары считает, выключит – алмазы гребет, некогда ему снять около бассейна германские трусы и на Анастаса повесить... Неинтересно, чадо Еремеича в эмиграции. Родина обратно зовет. И бассейн домашний нисколько ни хуже немецкого, хваленого и дорогого.

Иван Ермолаевич давнёхонько отвык и от Спартака Еремеевича Воротилова: тот в гору поднялся по лестнице перестроенной такую, что в октябре 1993 забрался на броню танка у Дворца Советов и, набрякший коньяком, главкомил: “Огонь по коммунистам!.. Огонь по коммунистам!..” Позже его вскрыли и свиное сердце вшили – надорвался. Педики.

Теперь за Дворцом Советов – черные кресты павших. Да иногда наша Лохнесси пролетит в облаках, красным флаговым заревом их осенняя. Сон. И Ермолаич возвращается в далекое: в стройтрест, в огородик, к Пушку.

Но легковесно ошибается красавчик Билл, а еще легковеснее ошибается обвислобрюхий Гарант. Их собачья чехарда с Меньками и Тоньками, прятки по кабинетным закоулкам в Белом Доме и в Кремле регулярно и скрупулезно изучает Джемс, здоровенный негр в подзорную армейскую трубу, покачивая ее на коленях и разворачивая поудобнее...

Джемс, гражданин США, борец за права человека, тайно заполучил летающую тарелку под Ижевском за две бутылки виски. Русский конструктор Гришка Шарадов и удмуртский слесарь Савелий Пентюхов крепко ткнули, а заместитель по хозяйству директора номерного завода Натан Львович Малиновский от рюмки наотрез отказался, но все трое вместе сражаются против расизма и стремятся утверждать в быту интернационализм аж двадцать первого века!.. Не кивать же на марксизм.

Сидит Джемс, здоровенный негр на Марсе и покачивает в ладонях знойную подзорную трубу по следам голодранцев Гаранта и Тони, Билла и Мони. А рядом с Джемсом, во впадине вулканической замаскирован тарелковый звездолет, кнопку нажал – ты-ы-р-р-р!.. И стрекозою, стрекозою – по ледяной пустыне. Кабина загерметизирована, и черный негр страшает непуганых европейцев белыми зубами: “Держитесь, поросычьи шкуры!..” И поросычьи шкуры держатся.

Да, человечеством скоро будут править русский, еврей и удмурт, а негра они оформят охранником экологии – следить за сексуальными вывихами разногишенных руководителей великих держав. И Джемс мучается, разгадывая: “Ежели я киллер – хлопну их из аккумулятивного, бесшумного пистолета, а ежели я диллер – ошарашу по кумполу подзорную трубою и никакая Лохнессе не предотвратит возмездья!..”

Эх, окажись Борис Ельцин и Альберт Салана, Билл Клинтон и Мадлен Олбрайт не гремучей смесью, а настоящими евреями – давно бы добрососедство шагало по городам и селам Земли!

Но везде земля, земляца, как птица, как птица,

Кружится, кружится,

А из раны кровь струится, струится!..

А Ермолаич подкис. Мелькнул в памяти Спартак Еремеевич, сынишка его, нидерландец. Мелькнула родная дочка – кубинка...

Осыпанная лепестками, вознесенная бело–туманной красотой в небо, яблоня радовалась, цвела. Красные, оранжевые, белые и желтые тюльпаны набегали на домик. Плескалась и пенилась черемуха. Веяло детством, юностью, любовью. Почему-то Иван Ермолаевич представил сейчас бабушку, деда. Мать вспомнил. Вспомнил отца. Как хорошо, что он знает, где их могилы. Как хорошо, что он не так редко бывает там. И как хорошо, что цветет его маленький сад. Цветет и до звёзд доколышивается...

Посвистывая обеими ноздрями, на него ринулся Пушок. Лаял, приплясывая вокруг, скулил и задыхался от счастья видеть родного человека, хозяина. Иван Ермолаевич поглаживал Пушка по шее, тербил шерсть: –Вот наскучал, натосковался!

Когда же хозяин поднял голубой шланг, то удивился: шланг был весь искусан, порван. Из него мелкими брызгами сочилась вода, а колпачок шланга – завинчен. Закаракумили пёсика.

Иван Ермолаевич посмотрел на Пушка. Пушок на Ивана Ермолаевича. Русские экстрасенсы!.. Ветеран и ветеран.

– Бедный? – завиноватился Иван Ермолаевич, – еды тебе оставил до отвала, а кран завернул. Лишил душу живой воды. Живой воды лишил душу. У, эти Горбачёвы, Рейганы, Рекьявики, ракеты!..

А Лохнесе тем временем рассекало коварными ластами гремучие волны океана, перепутав Бориса Николаевича Ельцина со Спартакoм Еремеевичем Воротиловым, рассекало и возмущалось:

“Ну и чудовище!.. И нас клонируют!.. И нас клонируют!..”

И слышит Лохнесе – на острове стоит одиноко Билл Клинтон, не уволенный с должности президента США в связи с требованиями поклонников Моники перевести его

на другую работу, и грустно, грустно для самого себя напевает:

“Что моя Моня,

Что твоя Тоня,

Что твоя Тоня,

Что моя Моня!..”

1983 – 1999

* Емельян Ярославский.

* Полководец Израиля.

* Евг. Евтушенко.